

Нина
Васина

Правило
Крысолова

ЭКСМО

Нина Васина

Правило крысолова

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131151

Нина Васина «Правило Крысолова»: ЭКСМО; Москва; 2001

ISBN 5-04-088094-4

Аннотация

Крупно не повезло моей тетушке Ханне и ее мужу Латову. Их убили и бросили в машине на обочине шоссе. При опознании мы с бабушкой обнаружили, что у трупов нет голов и кистей рук. Зловещие посылки с недостающими частями тел были адресованы детям Ханны, которых еще предстояло найти. Тетка прятала детей в течение нескольких лет. И, видно, не зря! Мне пришлось их отыскать. За мной следят милиция, ФСБ и пара немецких террористов из Фракции Красной Армии, в которой состоял любовник тетки Ханны, укравший из организации крупную сумму денег. И теперь за ними все охотятся, считая, что члены нашей семьи знают, где находятся деньги...

Содержание

Раз...	4
Два...	14
Три...	92
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Нина Васина

Правило Крысолова

Раз...

В воскресенье в обед состоялось заседание семейного совета. Мне еще нужно было успеть к двенадцати в студию, а по дороге забросить домой семейную парочку Мучачос, которую мы закончили снимать около пяти утра. Мотор отказал в Бутове. Пока я металась в вихре опавших листьев возле лесного массива, бросаясь к каждому прохожему в поисках информации о ближайшей остановке или станции метро, моя парочка совсем взбесилась. Кое-как удалось поймать такси. В довершение ко всему я забыла код подъезда. Поставила клетку на землю, перерыла всю сумку и взвыла: мой блокнот исчез. Я не могла потерять третий и с таким трудом восстановленный блокнот, не могла, идиотка, растеряха! Подловив открытую дверь при выходе кого-то из жильцов, я побежала по лестнице на третий этаж, подгоняемая жуткими звуками. Хозяйка семейной парочки придирчиво осмотрела актеров.

– Мы не переборщили с возбудителями? – Она выдыхала дым, держа сигарету во рту.

Я протянула деньги.

– Минуточку, – остановила она меня, когда я уже ринулась

к лестнице. – Подождите. Взгляните на это.

Я вздыхаю, смотрю на часы и иду за ней в квартиру. Сначала хозяйка выпускает принесенных мною актеров. Кошка Муча, кое-как прилизав грудку, сначала отступает назад, прижимая уши и резко дергая хвостом, потом с разбега бросается на своего супруга. Кот Чос становится на задние лапы и лупит подбежавшую жену по морде, отвешивая оплеухи с медлительностью и тщательностью знающего дело мужика. Муча отступает, чтобы опять приготовиться к прыжку. Она прыгает с грацией пантеры, Чос валится на спину и ловит ее в воздухе. Сцепившись и дико завывая, они катаются по ковру.

– Точно, переборщили, – укоризненно качает головой хозяйка.

Очнувшись, я иду за ней в кухню и с некоторой оторопью рассматриваю животное у балконной двери. Широко расставив копытца, набычившись, на меня смотрит свирепыми маленькими глазками... поросенок? Но почему...

– Кто это?

– Это? – удивляется хозяйка. – Это же кабанчик!

– Поросенок? – Я подхожу и осторожно трогаю щетинку на вздрогнувшей спине. – А почему он черный? И такой волосатый?

– Я думала, вам понравится, – пожимает плечами хозяйка. – Вы можете думать еще месяца два.

– А что будет через два месяца?

– Через два месяца нужно точно решить, подрезать его или нет.

Я сознаюсь, что ничего не понимаю. Толчком в плечо меня усаживают на табуретку. Брезгливо осмотрев то, что теперь сидит у ее стола, хозяйка – высокая жгучая брюнетка неопределенного возраста с руками пахаря-комбайнера и профилем постаревшей персидской княжны – доходчиво объясняет мне, что борова нужно кастрировать, а то мясо будет пахнуть. Но если боров понадобится нам в полной мужской потенции, то его нельзя кастрировать, именно это и нужно решить не позднее чем через два месяца. Я нашариваю в куртке телефон.

На часах – одиннадцать двадцать, я спрашиваю оператора, который добрал до кровати где-то в начале седьмого, нужна ли нам свинья.

– Это боров, – повышает голос хозяйка. – Боров!

– Извини, – киваю я покорно. – Это не свинья. Это боров. Нет, я не издеваюсь. Заткнись, я же сказала, что не издеваюсь! Говори быстро и коротко, платить ли мне за содержание этой свиньи! Почему я спрашиваю у тебя? А, да... Поняла. – Я отключаю телефон.

Мой оператор не собирается содержать скотный двор. Оказывается, он запросто может выехать на съемки в любое животноводческое хозяйство, если захочет опуститься до наблюдения за совокупляющимися свиньями. Он также может вылететь в Африку, если будет заказан фильм про львов, или

на Миссисипи, если кто-то любит перед сном напомнить себе, как размножаются крокодилы. И это не значит, что он должен выхаживать львов, крокодилов или горилл! Но я – совсем другое дело! Если я испытываю хоть малейшее желание...

– Можете подрезать вашу свинью, – вздыхаю я, одним этим предложением определив, что думает мой оператор про идиотку, разбудившую его в начале двенадцатого в воскресенье.

– Это боров. – Хозяйка смотрит на меня как на больную. – Жаль. Зря тащила его в город показать. Он же красавец! Вы только посмотрите на масть!

Без десяти двенадцать я позвонила в дверь квартиры тетушки Ханны. Заспанный мужчина в форменных брюках и майке, зевая, доложил, что дежурство проходит спокойно, никаких посторонних не наблюдалось, и поинтересовался, не купила ли я по дороге молока?

– Вы всегда покупайте молоко, когда сюда идете, – приказным тоном посоветовал мне он, задумался и продолжил: – Хотя, к примеру, мой напарник, конечно, предпочел бы пиво, но он будет сидеть в квартире завтра, так что имейте в виду.

Я сдержалась и не надела ему на голову мусорное ведро, которое стояло у двери.

– Да, мусор нужно вынести. – Милиционер ткнул в ведро пальцем, зевнул, ушел в комнату и с размаху бросился на

диван, прихватив с журнального столика газету.

Пока я листала семейный альбом моей тетушки, дежурный отпускал нелестные замечания в адрес журналистов. На полу стояла пепельница, а некоторые окурки валялись просто на белом ковре. Я прошла в спальню и обнаружила, что милиционер спал на супружеской кровати и даже не удосужился ее застелить или хотя бы расправить шелковое покрывало. На полу валялись два черных носка. На стуле висела кобура на ремнях.

Он осмотрел фотографии, которые я взяла с собой, бросил в пакет с мусором пустую пачку от сигарет. Пепельницу я вытряхнула сама. Интересно, он принес свою зубную щетку или выбрал из тех, что стоят в ванной?

Когда дверь закрылась, я встала на площадке у лестницы с пакетом мусора и выпала на несколько секунд из действительности. Я вдруг представила свою тетушку Ханну и почему-то ее узкие ухоженные ступни, длинные пальцы ног, проваливающиеся в мягкий белый мех ковра. Я пришла сюда за фотографиями. Бабушка приказала привезти фото детей Ханны. Снимков оказалось мало, я совсем забыла, что у тетушки Ханны были дети, потому что их как бы и не было...

– А правда, что их убили? Девушка, вы ведь ее племянница? – Кто-то тронул меня сзади, я дернулась и размахнулась пакетом с мусором.

– Простите. – Из-за резкого движения я по инерции отлетела к стене.

– Ничего. Я – соседка. А кто этот мужчина в квартире?

– Это... Он на службе.

– Понятно. И Мишу убили? – вдруг понизила голос женщина, запахивая ворот халата на шею.

Я не сразу поняла, что Миша – это последний муж Ханны. Кивнула и пошла к лестнице.

– А Костя? – спросила женщина, сделав за мной несколько шагов. – Костя – веселый такой, удалой?

– Не-ет, – неуверенно покачала я головой, – в машине их было двое.

– И Владика там не было? – прищурилась женщина.

– Минуточку. – Я повернулась и бросила чертов пакет на ступеньки. – Я не знаю ни Кости, ни Владика. А вы откуда их знаете?

Женщина задумалась, оглянулась на дверь квартиры Ханны.

– Был еще Эдуард, этот вне конкуренции. Хоть и кавказской национальности.

– Эдуард, – тупо повторила я. – Это все?

– Нет, конечно. По пятницам иногда приходил Григорий Павлович, очень презентабельный, но тучный. Он ни разу балконом не воспользовался, просто поздоровался на всякий случай для знакомства.

– А по четвергам? – стараясь выглядеть грустной и незаинтересованной, спросила я.

– По четвергам бывал студент из Плехановки, – тут же

кивнула соседка. – Смешливый очень. – Она хихикнула, прикрыв рот ладошкой.

– Среда? – азартно подалась я вперед.

– Родительский день, – подалась ко мне соседка.

– Вторник? – Я не очень поняла, что такое родительский день, но отвлекаться не хотелось.

– Когда как, чаще совсем незнакомые, со вторниковскими меня Ханна не знакомила, она говорила, что это люди исключительно деловые и приходят по делу, они сразу ей в дверь звонили.

– А понедельник?

– По понедельникам я редко бываю. Я с дачи приезжаю только после обеда. Но, – повысила голос соседка, заметив на моем лице что-то вроде разочарования, – но мои ключи у нее были.

– Так, что у нас осталось, – задумалась я, а чтобы не упасть, присела рядом с пакетом на ступеньку.

– Суббота и воскресенье мужнин день, – заявила женщина, задумалась и добавила, вздохнув: – Святое дело. Я вышла, потому что хотела тебе посылочку отдать.

– Посылочку?

– Ну да. Мне ее принесли сегодня утром. Принес посыльный, сказал расписаться. Я расписалась, а только потом заметила, что это соседям. Пошли, покажу?

– Куда? – Я вцепилась в перила.

– Ко мне.

– Зачем мне смотреть вашу посылочку?

– Она не моя. Она Латовых.

В коридоре соседки пахнет половозрелым котом. Я уже научилась с ходу определять этот запах, запах запертого в четырех стенах самца, пометившего все, что только попало под хвост. А вот и он. Лежит на тумбочке рядом с телефоном. Короткошерстный. Красавец!

– Кастрирую я его. – Соседка заметила мое восхищение. – Гадит где ни попадя.

Кот смотрел на нас янтарными глазами и брезгливо подергивал кончиком хвоста.

– Видите, – она принесла картонную коробку, – здесь написан номер моей квартиры, двадцать четыре. Но фамилия – Латовым. Только имена странные, вот это меня и смущает.

На коробке под адресом крупным размашистым почерком написано: Латовым Антону и Лоре.

– А такие там не живут, – заявила соседка.

– Это дети, – говорю я, пряча глаза. – Это дети Ханны.

– Дети? А почему я никогда их не видела?

– Потому что... А в родительский день?

Соседка задумалась. Я протянула ей фотографию мальчика и девочки в песочнице. Она покачала головой.

Сначала я хотела занести посылку в квартиру Ханны и уже протянула руку к звонку, но подумала, что ее можно отдать бабушке на семейном совете. Подхватив посылку под мышку справа, а левой рукой забрав пакет с мусором, я побре-

ла по лестнице вниз. У мусорных баков осмотрела коробку еще раз, потрясла ее. Тяжелая. А главное – неудобная. Идея распотрошить посылку и уложить содержимое в пакет с ручками показалась мне неплохой, я устроилась на лавочке во дворе и достала телефон.

– Бабушка, я опаздываю.

– Ты уже опоздала.

– Все собрались?

– Нет. Тебя нету.

– Бабушка, извинись, но у меня непредвиденные обстоятельства. – Я кое-как разорвала скотч и раскрыла коробку. Внутри оказался пакет, обложенный скомканными газетами. – Кто-то прислал детям Ханны посылку...

– Ты взяла фотографии детей? – перебила меня бабушка.

– Взяла.

– Хорошо. Они тебе понадобятся.

– Мне? – Я вытащила газеты, сходила с телефоном к мусорным бачкам и выбросила тару вместе с газетами. – Зачем они мне?

– Если бы ты приехала вовремя... – зловеще начала она.

– Ладно, бегу.

Я наспех затолкала тяжелый пакет из коробки в свой, на прочных ручках, и побежала к метро. Две остановки удалось посидеть. Ощупывая содержимое посылки у себя на коленях, я задумалась. Большой круглый предмет, конечно, мог оказаться мячом или тюком, но мне вдруг стало не по себе.

В автобусе – давка. Кляня на чем свет стоит свое неуемное воображение, я продержалась до входа на участок.

Захлопнув за собой калитку, подошла к крыльцу, поставила пакет на лавочку и решительно стала копаться в нем, разворачивая тот, из посылки. Больше всего мне не нравилось, что я нащупываю что-то мягкое. Когда это «что-то» оказалось человеческой кистью, все внутри меня замерло в защитной реакции подступающего обморока. Но до того как свалиться на спину в лужу у бочки, я удостоверилась, что внутри пакета лежат две человеческие кисти рук и голова.

Два...

Вообще-то это началось в пятницу. Пятница началась у меня в семь утра. У инспектора Ладушкина в пять тридцать. У моей бабушки Изольды в четыре двадцать. В это время она обычно просыпается, шаркая утепленными шлепанцами (из шкуры козы, мехом внутрь), идет на кухню и ставит чайник. Потом садится в своей комнате в кресло, укутывается в плед и затихает, прислушиваясь. Это ритуал. Она ждет движения или звука из комнаты рядом.

Там ночует дедушка Пит. Мы все его так называем, хотя он не муж моей бабушки, а ее брат. Если дедушка Пит начнет шевелиться (а он уже точно должен быть разбужен шарканьем теплых огромных шлепанцев и приглушенным кашлем, и грохотом от падения крышки металлического чайника в металлическую раковину в кухне, и хлопком крышки помойного ведра, куда бабушка вываливала старую заварку), значит, он собирается встать. Собирается – это еще не значит, что встанет. Он будет суетливо нашаривать ногами свои огромные теплые шлепанцы (из шкуры козы, мехом внутрь), а потом шевелить в них пальцами, медленно проверять, все ли пуговицы на пижаме застегнуты, смотреть в окно, пытаться воскресить в себе ощущение ожидания нового дня, кашлять, катать языком мокроту во рту, выдвигать ногой в шлепанце плевательницу из-под кровати и долго потом ее рас-

смаатривать, вспоминая, что это и зачем.

Бабушка, затаившись, ждет именно этого звука – скрежета металлической плевательницы. Если Пит возьмет ее с пола и плюнет, значит, он встанет, спустится по лестнице на кухню, нальет кипяток из закипевшего чайника в заварочный, забросит туда несколько щепоток трав из разных баночек, помешает серебряной ложечкой, накроет полотенцем, поставит на поднос, приладит к горячему боку чайника две чашки, чтобы они нагрелись по дороге, в одну положит два кусочка сахара и понесет поднос к ней в комнату, а она притворится задремавшей, и Пит будет стоять у кресла, натужно дыша, пока ей не надоест притворяться. Тогда бабушка откроет веселые глаза, страшно удивится и обрадуется, хлопотливо усадит Пита, укроет его ноги, подкатит столик, и они помирятся, как только травяной чай будет разлит.

Но дедушка Пит может задвинуть плевательницу обратно, проглотить свою слизь, вытащить ноги из шлепанцев и лечь опять под одеяло. Это значит, он вспомнил вчерашнюю размолвку, и чувство обиды, и ее хвастливую гордость одиночества, и теперь будет, как в детстве, ждать и молчать.

Утром, открыв глаза, я сразу утыкаюсь в их фотографию на стене, потому что люблю спать на левом боку. Однажды после хорошей вечеринки я проснулась на спине и влипла взглядом в девственно-чистый потолок. Это было ужасно. Спросонья, не обнаружив знакомые силуэты в темно-серых тонах, ограничивающие свое могущество старинной рамкой

красного дерева, я испугалась до судорог, решив, что заснула в неизвестном месте. Потому что обычно каждое утро, открыв глаза, я вижу эту парочку – долговязый брат держит на руках свою маленькую сестру, и каждое утро обещаю себе, что обязательно сниму фотографию со стены, но днем я совершенно забываю о ней. Готова поспорить – она становится невидимой днем и вечером, чтобы проявляться судорогой исчезнувшего прошлого и навязывать себя по утрам.

Итак, в эту пятницу дедушка Пит задвинул плевательницу ногой под кровать и лег. Бабушка сама спустилась в кухню, заварила чай и выпила его там, в утреннем сумраке, не включая свет. Инспектор Ладушкин еще спал, бабушка, естественно, даже не подозревала о его существовании, я – тем более, дедушка Пит, как ни странно, единственный из нас, кого существование инспектора Ладушкина уже задело краем плаща его величества случая.

Два года назад у стариков пропал кот, и они, уверенные в обязательной помощи правоохранительных органов, обратились в милицию, невинные и могущественные в этой своей уверенности, чем довели до полного отчаяния младшего тогда лейтенанта Ладушкина, принявшего их заявление. Почти два часа младший лейтенант внушал шестидесятилетнему Питеру Грэмсу, что ему совершенно некогда заниматься пропажами животных и заявление он принять не может. «Вы немец?» – «Какая разница, может быть, я литовец, вот, посмотрите мой паспорт». – «Зачем мне ваш пас-

порт? Я просто так спросил». – «Тогда посмотрите паспорт кота, видите, это был кот редкой породы, здесь написано Питер-Клаус-Ницше-фон-Штомбах». – «Это ваше имя такое?» – «Нет, это имя кота!..» И так далее, и так далее...

В пять тридцать утра в эту пятницу, когда бабушка убедится, что дедушка не собирается вставать, она еще раз заварит чай, нальет его в чашку с двумя кусочками сахара и понесет наверх, а на тумбочке инспектора Ладушкина зазвонит телефон.

Я представляю себе, как дедушка, услышав ее шаги, отворачивается к стене и натягивает одеяло на свой длинный нос. Бабушка не требует внимания, она, отодвинув его очки от края стола, ставит чашку на салфетку, подходит к окну и открывает форточку. От едва ощутимого сквознячка пар из чашки метнется в сторону.

Инспектор Ладушкин у себя оденется, проявляя чудеса подвижности после трех часов сна, спустится по лестнице в подъезде и выйдет в осенний мокрый двор ждать посланную за ним машину. Она отвезет его на шестьдесят пятый километр Симферопольского шоссе, где неподалеку от дороги будет стоять темно-синяя «Тойота» с наглухо закрытыми окнами, а в ней на передних сиденьях обнаруженные тела мужчины и женщины. В шесть сорок, обработав найденные в машине документы, Ладушкин выяснит по адресу прописки номер домашнего телефона. Он наберет его трижды, потом посадит набирать номер дежурную, но трубку никто не

возьмет. В квартире Ханны и Михаила Латовых никого нет. А к семи часам Ладушкин найдет по справочной родственников погибших, наберет номер телефона матери Ханны (в девичестве – Грэмс) и на удивленное «Алло?» сначала извинится, что разбудил в такую рань.

– Я не сплю, – насторожится бабушка. – А вы кто?

– Что?! – вскочит дедушка. – Нашли Клауса?

Бабушка, ничего ему не объясняя, наберет мой номер телефона, терпеливо выждет девять длинных гудков и пропищит, косясь на дедушку, натягивающего одеяло на лицо:

– Ты должна мне помочь.

– Да-а-а, – протяну я, нащупывая будильник и таращась в него с обреченностью.

– Нужно поехать в морг!

– Не-е-ет... Бабушка, умоляю, оставь меня в покое. Сколько своих друзей детства ты уже осмотрела вместе со мной? Шесть? Семь? Я не переносу морги, я больше не хочу.

С прошлого года бабушка вдруг стала проявлять активность и участие в похоронах всех своих друзей и знакомых детства.

– Нужно! – шипит бабушка.

– Нет. – Я демонстрирую голосом непреклонность. – Никаких моргов.

– Кто-то убил блудливую сучку Ханну. Вместе с ее четвертым мужем. – Она понижает голос.

Я резко сажусь в кровати и окончательно просыпаюсь. Представляю ее с трубкой у рта, нависшую над телефоном. В тонком шелковом пеньюаре, в огромных меховых шлепанцах, и выющаяся прядка у виска – припорошенное пеплом времени потускневшее золото. Когда она сердится, то не хмурится, а лишь слегка прищуривает глаза и кривит рот. Я предлагаю первое, что пришло в голову:

– Нужно позвонить маме.

– Нет! – кричит бабушка.

От ее крика я дергаюсь и клацаю зубами. Повернувшись к зеркалу, обнаруживаю себя, совершенно голую, сидящую на кровати с безумными глазами и приоткрытым ртом.

– Нет, – говорит она уже спокойным голосом, – ты что, не знаешь свою мать? Она же свалится в истерике дней на пять, и вместо похорон нам придется вызывать врачей на каждый ее припадок.

– Похорон?...

– Ты меня не поняла? Ханну убили.

– Уже? – заинтересованно приподнимется на кровати дедушка.

– Заткнись! – топает на него ногой бабушка. – Ну вот, из-за твоей непонятливости мне пришлось повысить голос. Теперь Пит не успокоится, пока я все не объясню.

Она бросит трубку без предупреждения. Я встану и, покачиваясь, пойду на кухню. На перекладине окна в открытой форточке будет сидеть попугай и устрашающе топорщить хо-

хол на макушке. Я влезу на табуретку, возьму попугая, он заверещит, будто ему выдергивают перья. Одной рукой его надо брать за когтистые лапы, а второй – быстро, пока он не воспользовался изогнутым клювом, – за горло. На моей руке, на заживших прошлонедельных царапинах подживают новые, позавчерашние. Слезу с табуретки и, оказавшись посередине кухни с зажатым в руках попугаем, пойму, что неплохо бы надеть что-нибудь, но как? Я просуну голову в завязки фартука и с попугаем в вытянутых руках выйду в коридор. Главное, не забыть опустить предохранитель замка.

Я позвоню в квартиру рядом и подниму орущего попугая до уровня глазка, прислушиваясь, не едет ли лифт, поскольку моя голая спина как раз повернута к нему. Когда дверь откроется, я суну попугая причитающей и хлопающей в ладоши женщине в ярком халате. Она скажет, что я – подарок господа. Да, именно так: подарок господа.

Быть подарком господа в наше время нетрудно. Нужно регулярно снимать с форточки или ловить в своей квартире сбежавшего от соседей попугая и первое время за его возвращение даже принимать коробку конфет, ананас, бутылку вина, корзинку клубники, банку маринованных огурцов («Свои, сама закатывала!») и... Что там еще было, до того дня, когда я с трудом сдержалась, чтобы не свернуть попугаю шею? Да, книга. Книга о вкусной и здоровой пище. После книги я попросила прекратить всяческие благодарности, кроме устных, и мне в награду тут же рассказали, что это

очень редкий и дорогой попугай, и если его не будет дома к моменту возвращения из плавания главы семьи, то...!

Пятясь задом, я отступаю к своей двери, быстро стягиваю в узел завязки фартука над голыми ягодицами, киваю головой, изображаю понимающую улыбку и категорически отказываюсь от банки растворимого кофе.

В квартире я успею к давно надрывающемуся телефону, и бабушка заявит мне приказным тоном:

– К девяти мы заедем за тобой на такси.

И положит трубку.

Мы прибудем к моргу, где я познакомлюсь с инспектором Ладушкиным и врачом-патологоанатомом, и они оба будут что-то объяснять, пряча глаза, а бабушка, устав от их бормотания, потребует немедленно приступить к опознанию. Врач станет уверять ее, что опознание затруднено, поскольку тела не то чтобы сильно изуродованы, но и удовлетворительным материалом их назвать нельзя, и от этих объяснений у бабушки разыграется жуткий интерес и желание немедленно рассмотреть все, что врач счел неудовлетворительным для опознания материалом. Она будет прорываться в анатомический зал – так называлось место, где лежат мертвые тела, – «зал», и даже обзовет инспектора Ладушкина, тоже пожелавшего ее подготовить, неприличным словом.

Тут вступит дедушка, он начнет уверять инспектора, что сдерживать бабушку бессмысленно, и если она решила немедленно посмотреть на свою умершую дочь, то непре-

менно посмотрит, и подготавливать ее к осмотру совершенно ни к чему, поскольку последние десять лет она ежевечерне просит высшие силы помочь ее дочери оставить этот мир, чтобы побыстрее возродиться в более приличной ипостаси, чем проститутка, жадная сволочь, похотливая сучка, бросившая своих детей, кровосмесительница и убийца.

– Поэтому, – великодушно заметит бабушка, – совершенно все равно, в каком виде находится некогда рожденная ею дочь, и ничего, кроме покоя и чувства, что высшие силы наконец услышали ее молитвы, бабушке это опознание не принесет.

Я во время этих недолгих, но громких препирательств буду молча подпирать стену, заботясь только об одном – как бы меня не стошнило. Когда взъерошенный и красный Ладушкин, гордая, с лицом победительницы бабушка, послушный дедушка и за ними – я, приготовившая на всякий случай салфетки, прошли в этот самый анатомический зал, первое, что меня поразило, – это множество желающих опознаться. Каталог, накрытых простынями, я насчитала двенадцать, на тринадцатой меня отвлек возмущенный голос бабушки:

– Что это такое? А где голова?

– Ты когда-нибудь видела, как изумрудная оса откладывает личинку в сочный животик таракана? Я тут скатал кое-что, подправил, и уверяю тебя, это зрелище впечатляет.

– Что такое изумрудная оса? – интересуюсь я.

– Это очень изящное насекомое, не в пример нашим тол-

стым полосатым подмосковным осам. У нее талия ниточкой, тонкое продолговатое брюшко и гениальный оттенок темно-зеленого цвета.

– Где взял?

– Скатал в Интернете. Брэдовский сериал «Мир хищников». Послушай, не перебивай. То, как изумрудная оса протыкает жалом таракана между сочленениями панциря на спине и откладывает внутрь личинку, конечно, зрелище захватывающее. Вполне сойдет за сложную насильственную эротическую конструкцию. Но потрясающим является не финал, а подготовка таракана. Оса обхватывает своими лапами тараканью морду, кусает ее, впрыскивая дурманящее вещество, после чего таракан совершенно теряет волю и способность сопротивления. Моя красавица берет его за лапу и ведет за собой! – захлебываясь от восторга, орет в трубку возбужденный оператор Лом.

– И все это на кухонном столе возле грязной посуды с остатками вчерашнего ужина? – уныло интересуюсь я.

– Как тебе удастся одной фразой все опошлить? Ну почему на кухне? При чем здесь грязная посуда?

– Так ведь таракан же... – обороняюсь я.

– Дремучая ты, Ахиня. Тараканы – короли пустынь!

– Да? А я думала, что верблюды.

– Не отвлекайся.

– Ладно. То есть все это – на фоне песка?

– Да. На фоне горячего шуршащего серо-желтого песка.

Под французский любовный шансон с хорошо проговариваемыми словами. С замедленным выделением деталей, анимационной подрисовкой. Две с половиной минуты.

– И это можно назвать эротикой с элементами насилия?

– А как еще это можно назвать?

– Подожди, что там в финале? Куда оса ведет таракана?

– В норку! – орет возбужденный оператор.

– И?...

– Она заводит его в заранее подготовленную норку. – Голос на том конце трубки интригующе понижается, на первый звуковой план выходит возбужденное прерывистое дыхание с подсасывающими носовыми звуками (у Лома хронический насморк). А потом я уже слышу просто трагический шепот: – В этой норке зачумленный таракан проведет лучшие мгновения жизни в наркотическом дурмане, являясь живым кормом для подрастающей внутри него личинки. Он не сможет выбраться, потому что зеленая коварная красавица, уходя, завалит вход в норку камушками.

– А некоторые дамы очень нервно реагируют на насекомых, – вздыхаю я. – Даже и не знаю, как бы я себя почувствовала, развалясь в диванных подушках для просмотра эротических зарисовок и увидев на экране осу с тараканом, которые...

– Не отвлекайся. Какие диванные подушки? Ты заявку видела? Нам заказали три клипа экзотически-эротической направленности с элементами насилия для демонстрации их во

время научной конференции. Сейчас...

Я слышу, как Лом копается у себя на столе.

– Вот. Нашел. Научная конференция на тему... Ты только подумай, нет, ты послушай! Это название просто зачаровывает! «Субструктура гетеро... подожди, ге-те-ро-эпитак-сиальных! монокристаллических слоев сульфида кадмия на германии... Ты слушаешь? Кадмия на германии!!» Как тебе вообще словосочетание «гетероэпитаксиальных монокристаллических слоев»?

– Я всегда считала ученых сексуальными маньяками. Что это было? Что ты такое сказал?

– Я прочитал тебе тему конференции, которая пройдет в кристаллографическом институте. Ученая дама, ответственная за ее проведение, заказала нам три клипа...

– Дальше я знаю. Я не знала, что эти клипы, как написано в заявке, – «экзотически-эротической направленности...».

– И с элементами насилия! – тут же подхватывает Лом.

– Да, с элементами насилия, нужны для расслабляющих пауз на научной конференции. Тогда, конечно, твоя идея с этим тараканом и осой...

– Гениально?

– Ладно, я этого еще не видела, но по описанию...

– Гениально! – давит Лом.

– Хорошо, по описанию – гениально, – сдаюсь я.

– Сегодня – суббота, – сообщает удовлетворенный Лом.

– Суббота.

– И что ты делаешь в четыре часа вечера в субботу?

– Как всегда. Пирожки с клубникой и апельсинами.

– То есть ты на посту.

– Да. Я на посту. Мой любовник смотрит по телевизору футбол, а я пеку пирожки.

– Извини, конечно, за вопрос, но это тот самый мужчина?...

– Тот самый, который был у меня в прошлую субботу, и в позапрошлую, и год назад.

– Фу-у-у, – с облегчением вздыхает Лом. – Значит, беспокоиться не о чем?

– Ты давишь на психику. Вечером в субботу, пока я бездарно провожу время, разговаривая с тобой по телефону, а мой любовник...

– Смотрит по телевизору футбол, – подхватывает Лом. – Не подумай ничего плохого, просто я хотел удостовериться, что после восьми вечера ты будешь свободна. Ты не забыла? Я привожу парочку Мучачос к полдесятому.

Лом привозит Мучачос «на студию», то есть к себе домой, и мы снимаем двадцать первую серию эротического сериала «Когти страсти». Потом до утра Лом монтирует и подрабатывает материал, а я в воскресенье отвожу кошачью парочку домой и плачу хозяйке за их актерские и сексуальные дарования. Продать беспородных короткошерстных Мучачос хозяйка отказалась категорически, хотя последнее предложение от пожилой пары – наших постоянных заказчиков –

позволило бы ей купить десяток разных котят с самыми зашибенными родословными. Я не обижаюсь на Лома за его вопросы. Я совершенно буднично сообщаю:

– Он, как всегда, уйдет домой к жене и детям не позже девяти.

– Извини, конечно, это не мое дело, но давно хотел дать тебе один совет.

– Только один? Неужели?

Я представляю пухлую физиономию Лома в завихрении кудряшек неопределенного цвета, его глаза за стеклами круглых очков, нос картошкой, сочный, вечно потрескавшийся рот, всегда чуть приоткрытый на букве «о», всегда готовый выдать множество советов, идей и самых невероятных предположений. И наконец-то изнутри к горлу накатывает раздражение уже готовым криком.

– Пирожки, – самодовольно замечает Лом. – Я обожаю твои пирожки, но вот мужчина, который имеет кухонную жену...

Я медленно кладу трубку телефона и задумчиво смотрю сквозь стекло духовки на вспучившиеся нежно-желтые пирожки. Иду в комнату и спрашиваю у своего мужчины, не принести ли ему горяченьких? Нет, я-то совершенно уверена в невероятном, экзотическом, восхитительном и сугубо индивидуальном вкусе моих пирожков, поэтому никогда не спрашивала, хочет ли он их попробовать, а просто приносила, затаив дыхание над тарелкой с парком.

– Спасибо, котенок, я не голодный. – Он притягивает меня к себе и сажает на колени, склонившись набок, потому что теперь я загораживаю экран. – И знаешь, я не очень люблю сладкое. С мясом там или капустой, это да, а повидло...

– Клубника с апельсинами, – автоматически замечаю я, не обнаружив в себе никакого расстройства от его замечания. – Всегда – клубника с апельсинами. Я их пеку тебе уже второй год. Со дня нашего первого свидания.

– Что? А, конечно, клубника с апельсинами. Но больше всего я люблю знаешь что?

– Что? – Я заторможено смотрю в телевизор на толпу мужиков, которые с безумными напряженными лицами, сгрудившись кучей, дерутся ногами за один мяч в заляпанных грязью трусах и рубашках, с написанными на спинах фамилиями (почему-то эти надписи вызывают у меня ощущение тюрьмы, детского сада и дурдома одновременно).

– Больше всего я люблю тебя, котенок.

Меня. Меня, присыпанную сахарной пудрой, обложенную дольками апельсина и давлеными клубничинами, обмазанную перекрученным в мясорубке лимоном с сахаром и взбитым белком. Запеченную под душистым одеялом сдобного теста. Я вскакиваю и несусь на кухню вынуть противень.

В восемь пятнадцать после душа, бокала вина и нескольких затяжек сигареты мужчина, лежащий рядом со мной на ковре в подушках и фантастически неузнаваемый в слабом свете свечи, интересуется, как обычно, что у меня новенько-

го.

– Мою тетушку Ханну и ее четвертого мужа убил маньяк.

– Почему именно маньяк? – Я чувствую, что он улыбается, прерывая улыбку затяжкой.

– Ну, сам посуди. Он отрезал им обоим головы и кисти рук. Посадил в автомобиль. Причем мужа посадил за руль, а Латов никогда сам не водил.

Мужчина рядом косится на меня, но все еще продолжает улыбаться.

– Бабушка повезла меня на опознание тела.

– В прошлую субботу, я помню, ты тоже ездила с бабушкой в морг. Почему бы вам для разнообразия не посещать иногда театр или филармонию?

– Точно. Последнее время бабушка вдруг страшно озабочилась похоронами своих друзей детства и юности. Но обычно я только помогала ей довести вещи, оформить какие-то бумаги. А тут, представляешь, мы пришли опознавать, а вроде как...

– Жизнь у тебя просто кипит, – потягивается мой любимый, встает и надевает часы. Он всегда сначала надевает часы, а потом все остальное. – А у меня скука, как всегда, и полный беспросвет.

Через десять минут у дверей он берет мое в лицо в ладони, всматривается напоследок, целует в нос и интересуется:

– А если серьезно? Что-то ты грустная и задумчивая.

Я вздыхаю, отвожу его ладони, верчу болтающуюся пуго-

вицу, полуоторванную, вторую сверху на пиджаке и монотонно повторяю:

– Мою тетушку Ханну и ее четвертого мужа...

Пирожки, захлебываясь от восторга и обильного слюноотделения, съел ночью Лом в перерывах между съемками.

Я открываю глаза и вижу над собой лицо бабушки. Она стоит, наклонившись, и для устойчивости упирается руками в согнутые колени. Пахнет мхом и прелыми листьями. Спине холодно и мокро. Я вспоминаю, что свалилась от ужаса прямо в лужу у бочки под водостоком. Рядом со мной по стене веранды сплошным ковром вьется багрово-сентябрьский дикий виноград.

– Все собрались и ждут только тебя уже полтора часа. Вставай, хватит валяться, – приказывает бабушка.

Встаю, взявшись за края переполненной бочки. На темной поверхности воды, распластавшись и уже еле двигая уставшим телом, плавает полудохлая лягушка. Я подхватываю ее ладонью снизу за брюшко, опускаю на землю, быстро осматриваюсь, отжимая свою капающую короткую косицу. Пакета нигде нет. Он точно стоял вот здесь, на лавочке, не могло же мне это просто почудиться! Он мог упасть на траву вместе со мной. Но его нигде нет.

– А ты не видела... – Пошатываясь и отлепив от спины мокрую насквозь ветровку, я неопределенно провожу рукой вокруг.

– Иди в дом.

– У меня был с собой...

– Иди в дом. Все давно собрались.

В коридоре я неуверенно оглядываюсь на бабушку: с моей одежды течет.

– Ладно, – кивает она. – Иди в моечную, я принесу тебе переодеться.

Я спускаюсь в подвал. Моечной называется помещение в сорок – сорок пять квадратных метров с отопительным котлом, ванной, которая гордо стоит на коротких ножках, почти посередине комнаты, как выпущенное на свободу парнокопытное (обрыдайтесь, квартирные, загнанные в угол!). Стиральная машинка, разделочный стол с металлической столешницей (о столе – разговор отдельный), душевая кабинка рядом со столом, потому что у них общий сток. На веревках сушится белье, в ящике с углем спит крыса, а под потолком, у маленького подвального окошка, висит летучая мышь. Висит и поджидает удобной минутки запутаться в мокрых волосах. То есть она должна там быть, меня с детства пугали этой мышью, когда я не хотела выбираться из пены в ванне. В уголь тоже нельзя было лазить (раньше котел топили углем), там обычно любила отдыхать крыса – хранительница подвалов и могил. Вдоль северной стены лежит тяжеленное копье, его наконечник до сих пор острый, до десяти лет я не могла даже сдвинуть его с места, да и сейчас мои редкие попытки поднять его больше всего напоминают неудачи штангиста.

Бабушка приходит с огромным махровым халатом и за-

думчиво смотрит на меня, пока я вытираюсь в душевой кабинке.

– Тебе нужно поправиться, тогда грудь будет красивой, – замечает она. – Ты слишком худа, чтобы притягивать к себе взгляды. Мужчины, верно, думают, что ты еще ребенок.

Я беру халат, бабушка развешивает мою одежду на веревках у котла.

– Приехала жена Пита, – говорит она равнодушным голосом. – И первая жена Макса. И твой отец. Твоя мать, конечно, тоже не упустила случая свалиться в истерике принародно. Но что особенно неприятно – приехала первая жена четвертого мужа Ханны. Это не к добру.

Я шевелю губами, разбираясь, кто есть кто, про себя: у дедушки Пита, конечно, была жена, раз у него имелось два сына. Черт, это же ученая профессорша, которую панически боялась моя мама! Макс – его сын, значит, еще приехала жена Макса – женщина, с которой он жил, пока его у нее не «отбила», как говорит бабушка, тетя Ханна. А вот как сообразить, что это такое – первая жена четвертого мужа Ханны?...

– Что тут непонятного? Ханна выбрала Латова, когда он еще был женат, – втолковывает мне бабушка. – И имел, между прочим, детей. У нее он четвертый официальный муж, у него она – вторая жена! Не смотри на меня так и соображай быстрее, у нас в роду, слава богу, среди женщин слабоумных не было. Его первая жена, от которой он ушел к Ханне, сейчас сидит в гостиной.

– А мой отец... – Я изо всех сил пытаюсь не выглядеть слабоумной.

– А твой отец был вторым мужем Ханны! Он бросил тебя, твою мать и ушел к ней, когда она уже родила дочку, тебя! – Бабушка щелкает меня пальцем по носу.

– А первым...

– А первым ее мужем был Макс, мой племянник, сын Пита. Можно предположить, что Лора – его дочь. Хотя ты же знаешь Ханну...

– Осталось выяснить, представляет ли кто-нибудь третьего мужа тетушки Ханны, – вздыхаю я, – и можем идти наверх.

– Официально Ханна была замужем трижды, потому что отец Аркадий, царство ему небесное, отказался ее венчать второй раз с собственным кузенком и к тому же – родным братом предыдущего мужа.

– То есть, – радуюсь я своей сообразительности, – с Рудольфом, вторым сыном Пита, твоим племянником и родным братом ее первого мужа!

– Аминь, – машет рукой бабушка. – И они провели пару лет в грехе. Пока ей не попался следующий счастливый семьянин – Латов. К тому времени все родственники мужского пола внутри семьи были ею использованы и она начала оглядываться в поисках свежих кандидатов.

– Моя мать с отцом, вторым мужем Ханны, – начинаю я загибать пальцы, – мой дядюшка Макс, первый муж Ханны,

первая жена Макса, первая жена Латова, это все?

– Питер, с утра накачивающийся спиртным, – загнула бабушка мой следующий палец, – его жена, мать Макса, и инспектор Ладушкин.

– А он не...

– Он настоял на своем присутствии, объясняя это профессиональной необходимостью, раз уж мы решили собраться все вместе.

– Кто пригласил первых жен?

– Никто не приглашал. Ладушкин обзвонил их в интересах следствия. Он усердно ищет убийцу.

Я иду за бабушкой наверх, рискуя в любой момент свалиться с лестницы, потому что с трудом справляюсь с огромными меховыми шлепанцами. Я думаю, сколько пар этих самых шлепанцев затаилось в доме? Мы входим в гостиную, и тут обнаруживается, что среди весьма торжественно одетых моих родственников и родственников моих родственников я одна – в халате и шлепанцах. Инспектор Ладушкин, правда, в джемпере, но из ворота выглядывает галстук под белым воротником рубашки.

– Она упала в лужу возле бочки, – быстро разъясняет бабушка, толкает меня к свободному креслу и на секунду задумывается. – Если вы еще не перезнакомились, то это – жена Макса, Марина, – подходит она к маленькой испуганной женщине у окна. – Это инспектор Коля из отдела убийств. Это – жена Пита, твоя двоюродная бабушка, кстати, – обра-

щается она ко мне и пожимает плечами, – если я правильно понимаю. Так и не смогла запомнить, кто есть деверь, кто – сноха.

Высокая чопорная старуха смотрит сначала на мои ноги. Обнаружив шлепанцы, она переводит взгляд на ноги своего мужа. Убедившись, что у Пита – такие же, брезгливо дергает верхней губой и сообщает:

– Бывшая. Бывшая жена Пита. Мы разведены. – Подумав, добавляет: – Ксения.

И многозначительно смотрит на инспектора Ладушкина, коснувшись дужки модных очков.

– Ты не ушиблась?! – взвизгивает моя мать. – Почему ты всегда падаешь, как можно быть такой неосторожной?!

– Заткнись, Мария, – спокойно говорит бабушка и продолжает: – Эту женщину я не знаю, но она сказала, что была женой Латова.

В наступившей тишине я пытаюсь вспомнить, как выглядела тетушка Ханна. Я пытаюсь поставить ее рядом с бывшей женой ее четвертого мужа и страшно удивляюсь. Потому что, по моим меркам, тонкая изящная блондинка с насмешливым взглядом огромных серых глаз, со вкусом одетая, при полном отсутствии косметики и лака на ухоженных ногтях, не идет ни в какое сравнение с Ханной. Ханна была... Ладно, даже если отстраниться от невыносимого магнетизма и выпасть из вихря жизни, в который она тебя засасывала, стоило только приблизиться к ней на расстояние двух

метров. Если попытаться представить ее без ярко-вишневой губной помады, вечно распущенных спутанных темных волос, ее цыганских многоярусных юбок и топиков в обтяжку, едва не лопающихся на пышной груди. Если даже оттереть ее лицо, прилично одеть и причесать, она, по моим меркам, не соперница этой изящной гордой пантере, жене Латова.

– Лада, – кивает женщина и чуть улыбается, оценив мой восхищенный взгляд.

Я подтягиваю под себя ступни в меховых шлепанцах, краснею и не нахожу ничего умнее, как переключиться на моих родителей, выбравших максимальное расстояние между собой: мама – у окна рядом с Мариной, отец стоит у двери возле кресла Пита.

– Привет, па. – Я поднимаю руку и шевелю в воздухе пальцами.

Он смотрит сквозь меня и нервно заявляет:

– Но кто-то же убил Ханну! Кстати, как ее убили? – Он поворачивается и смотрит на спокойного Ладущкина. – Вскрытие проведено? Что говорят специалисты?

– Прошу всех к столу. – Бабушка кивает Питу, тот встает и, шаркая, идет на кухню.

– Инга, – поворачивается ко мне бабушка, пока все шумят подвигаемыми стульями. – Принеси еще две чашки.

Я встаю и, шаркая, иду за Питом.

– Сколько лет твоей жене? – спрашиваю я, помогая ему раскладывать на блюде куски пирога.

– Она старше меня на три года. Была, – хмыкнув, добавляет он.

– Как это – была?

– Всегда выглядела старше меня, а теперь – моложе.

– Пит, ты отлично выглядишь.

– Но она выглядит моложе.

– Зачем она пришла?

– Эту чашку не бери. Таких только две, мы с Золей по утрам из них пьем чай.

– А есть еще чашки?

– Возьми кружки. – Пит задумывается и говорит невпопад: – Она очень любила Ханну. Сейчас сама увидишь.

Я ничего не понимаю.

Ксения отказалась сесть за стол, она присела на подоконник и закурила.

– Не кури, я не люблю дыма, – тихо заметила бабушка.

– Плевала я на тебя, – тихо ответила Ксения.

– Ксюша, не бузи в моем доме! – нахмурил брови дедушка.

– Вы знаете, – тут же нервно вступила Марина, бывшая жена Макса, – я не пойду на похороны, я даже рада, что мы здесь все собрались, а про смерть говорить не надо! То есть, я хотела сказать, мы же все – одна семья, что бы ни случилось, да? Мы должны решать проблемы вместе.

– У тебя проблемы? – поинтересовалась Ксения, выпуская дым.

– Ну, – замялась Марина, – у всех у нас сейчас проблемы в связи с этим...

– Так отчего умерла Ханна? – спросил мой отец с полным ртом.

– Ей отрезали голову, – сообщила мама и захихикала. – Твоей второй жене отрезали голову. Ее пришлось опознавать по особым приметам, сестричка осталась совсем без головы!

– Мария! – Отец укоризненно посмотрел на маму. – Как ты можешь!

– Ну ты же спрашивал, хотел знать, я тебе ответила. Кушай дальше. Попробуй печенье. Помнишь тещино печенье?!

Так, сейчас начнется.

– Мария, выйди со своим бывшим мужем на кухню, – спокойно предложила бабушка. – Ножи с деревянными ручками недавно заточены. Там и поговорите.

– Вы когда-нибудь дождетесь неприятностей! – погрозил бабушке папа. – Эти ваши намеки о ножах, о яде в подвале, о старом колодце, вы дождетесь, ваша доченька преподнесет вам большой сюрприз!

– Я уже дождалась, – кивнула бабушка. – Мою старшую дочь убили. Ты про какие неприятности говоришь?

– Не будем ссориться! – наигранно бодро вступила Марина. – Мы тоже разошлись, да, Макс? Но остались друзьями. Давайте просто поговорим, по-доброму, по-семейному.

– Да, мама. – Дядя Макс посмотрел на Ксению. – Мы пришли сюда кое-что предложить. Мы с Мариной...

– Налейте и мне чашечку, пожалуйста, – перебила его Ксения и выбросила окурок в форточку.

– Я вижу, у всех есть что сказать. – Бабушка показала мне жестом отнести чашку Ксении. Я решила, что босиком будет гораздо безопаснее и для меня, и для чашки. – И если вы думаете, что я терплю ваше присутствие из родственных чувств, то глубоко ошибаетесь, – продолжила бабушка. – Нам нужно обсудить одну проблему. Всего одну. И меня не интересует, кто и зачем убил Ханну. Меня не интересует также любое мнение по этому поводу любого из ее мужей или бывших жен ее мужей. Мы собрались здесь из-за детей. Из-за Лоры и Антуана.

– Вот именно! – подпрыгнула Марина и радостно ухватила за руку сидящего рядом Макса. – Да, дорогой?

– Помолчи и послушай тетю, – скривился тот.

– Ты тоже пришел сюда из-за детей Ханны? – спросила моя мама у моего папы.

«Как странно все расселись!» – подумала я, заметив, что бывшие пары сидят рядышком за огромным разложенным бабушкиным столом. И место возле красавицы Лады пустует.

– При чем здесь дети Ханны? – искренне удивился папа и постарался выдавить для меня улыбку. – У Ханны не было от меня детей, она...

– Откуда ты знаешь? – не унималась мама.

– Ма, пожалуйста. – Я жалобно посмотрела на нее через

стол. – Не надо!

– Как это – не надо? Кто еще здесь, в этой комнате не знает, что развод для Ханны ничего не значил, как, впрочем, и узы брака?! Я знаю, что вы встречались и после развода, я видела, как ты ее встречал в аэропорту из Германии!

– Но послушай...

– Вы целовались! – Мама стукнула кулачком рядом с тарелкой. Тарелка подпрыгнула. – Взасос! – добавила она шепотом.

Я откинулась на спинку стула и закрыла глаза.

– Мне еще кусочек пирога, если можно, – в тишине попросил инспектор Ладушкин. – Очень вкусно. – Он посмотрел на меня и участливо подмигнул.

– Послушайте, Манечка, – вкрадчиво обратилась к моей маме Марина. – Я знаю, что мой муж тоже еще долго встречался с Ханной после того, как... Как она уже была замужем за вашим мужем, то есть...

– Закрой рот, – приказала Ксения у окна и пошла похлопать по спине моего отца, подавившегося после слов Марины печеньем.

– Вы больше не можете мне приказывать, – повернулась к ней Марина и взяла за руку дядю Макса. – Я больше не ваша невестка, я свободная женщина!

– Делай, что сказала мама, – лениво изрек дядя Макс, не отнимая руки. – Закрой рот.

– Вот что я вам скажу. – Ксения последний раз так сада-

нула отца по спине, что тот ткнулся носом в пирог на тарелке. – Вы все не стоите и мизинца Ханны. И вы, сварливые сучки, и вы, ленивые кобели. Она жила, понимаете, жила! Пока вы захлебывались в собственных страданиях, она получала удовольствие от каждого мгновения жизни. Я знаю, что ты распускал сплетни про меня и Ханну. – В этом месте Ксения вдруг ухватила отца сзади за воротник отличного английского пиджака и резко рванула к себе. Стул наклонился назад, отец уцепился за край стола и замычал. – Да, я ее любила, я жизнь за нее могла отдать. – Ксения продолжала говорить в его запрокинутое лицо. – И где тебе, одноклеточному, понять эти слова! Рядом с нею мир приобретал смысл и очертания праздника. И ты посмел выпачкать нечистотами своего испорченного ума нашу с Ханной любовь!

– Сейчас же отпусти его, проклятая старуха! – завизжала, вскочив, моя мама.

Я закрыла лицо ладонями и не видела, как Ксения отпустила воротник пиджака. Почувствовав неладное, я посмотрела одним глазом сквозь раздвинутые пальцы и увидела, что в наступившей тишине все, затаив дыхание, следят за балансирующим на двух ножках стуле и пальцами отца, скребущими край стола. Стул падает, отец, конечно, тоже, высоко подбросив ноги и стянув за собой со стола скатерть. Дедушка Питер, инспектор Ладушкин и первая жена Латова успевают поднять свои блюда с чашками. Остальная посуда, утащенная скатертью, с грохотом валится на пол. Я уби-

раю ладони от лица и, открыв рот, смотрю, как моя мама, схватив стул, бросается на Ксению. Я вижу тонкие напряженные запястья с серебряными браслетами, ее возбужденное красное лицо и не верю своим глазам.

Инспектор Ладушкин ставит уберезженный прибор на стол, встает не спеша, обхватывает мою маму сзади и приподнимает ее над полом. Она выпускает стул, тот громко падает, мама смотрит несколько секунд на свои руки. Потом на руки Ладушкина, сомкнутые у нее на животе.

– Нет... – выдыхает она шепотом, набирает воздух в легкие, а я затыкаю уши, но все равно слышу ее пронзительный недолгий визг. От неожиданности оглохший Ладушкин выпускает маму из рук. Он же не знал, что после такого визга она обычно падает в обморок. Теперь вот стоит и удивленно смотрит на рухнувшую у его ног женщину.

– Питер, – спокойно спрашивает бабушка, – где у нас наштабь?

– Сейчас принесу. – Дедушка Пит встает и, проходя мимо меня, замечает: – Что я говорил? Хорошо, что уберег чашки для чая.

– Перейдем в библиотеку, – встает за ним бабушка. – Я потом уберу.

Постепенно все собираются в комнате с камином, которую бабушка зовет библиотекой, хотя книг здесь нет. Все книги бабушка держит в своей комнате на втором этаже, а здесь – телевизор, отличный музыкальный центр и стойка с

дисками и кассетами, старый проваленный диван, несколько кресел, два пуфика, на стене – охотничьи ружья, на полу – сшитые вместе четыре или пять козьих длинношерстных шкур.

– Инга. – Бабушка берет меня за руку повыше локтя. – В кухне в буфете осталась бутылка кагора. Да, в столе за тарелками есть отличный мускат, но ты мускат потом принеси, потом. Как разговор пойдет.

В дверях я сталкиваюсь с бледной и испуганной мамой, которую поддерживает отец. Я остаюсь за дверью и слышу, как мама виновато извиняется перед «тетей Ксенией».

– Я не знаю, что со мной случилось, – еле слышно бормочет она, и я представляю, как в этот момент она с удивлением смотрит на свои руки.

– Ничего, я привыкла. – Голос Ксении отдает снисхождением и брезгливостью. – Ты в детстве, бывало, как чего-нибудь захочешь, так свалишься на ковер, как начнешь сучить ножками и визжать! Вон какое горло разработала! Жалко, что Изольда ни разу не отходила тебя по заднице. Глядишь, сейчас бы не пришлось платить психиатрам.

Я плетусь на кухню и не знаю, кто уговорил Ксению замолчать. Дедушки Пита в комнате не было, некому было прикрикнуть: «Ксения, не бузи в моем доме!» Значит, отдувалась бабушка.

В кухню заходит инспектор Ладушкин и пьет, наклонившись, холодную воду из-под крана.

– А ты не можешь мне в двух словах, – вдруг по-домашнему говорит он, вытирая тыльной стороной ладони рот, – объяснить хронологию смены мужиков у твоей тети Ханны? Я совсем запутался! – И улыбается, неожиданно разливая в глазах с длинными ресницами негу и тепло.

– А вы... – Оторопев, я соображаю, как к нему обращаться.

– Просто Коля. Николай Иванович. – Он протягивает ладонь. Ту, которой вытирал рот, и я чувствую влагу, и меня это не напрягает. – Только быстренько, пока кто-нибудь не забежал сюда поскандальить.

Он подходит к стойке с ножами. Берет самый большой, проводит кончиком пальца по лезвию, корчит уважительную гримасу и ставит обратно.

– Тетя Ханна сначала вышла замуж за своего двоюродного брата Макса. В этом браке родилась дочка Лора. – Я начинаю перечислять, выставляя на поднос бокалы, вытираю бутылку кагора. – Потом моя мама, родная сестра Ханны, вышла замуж. Тетушка этого, вероятно, стерпеть не смогла, но это со слов моей мамы, – предупреждаю я Ладушкина, достаю банку сока, открываю его. Бабушкин яблочный сок колыхнется в трехлитровой банке пойманным солнцем. – И увела папу.

– А Макс тоже до Ханны был женат, – уточняет Ладушкин, достает блокнот и делает там пометки.

– Был. На Марине.

– Дети?

– Не было. Потом Ханна съездила в Германию и встрети-
лась там со своим вторым двоюродным братом Руди. Возник
скоропалительный роман.

– Руди – это?...

– Это второй сын Питера и Ксении, младший брат Макса.
По возвращении оказалось, что там же она познакомилась с
переводчиком-экскурсоводом Латовым, увела его из семьи.
Все.

– У Латова в прошлом браке остались двое дочерей, – за-
думчиво бормочет Ладушкин. – Судя по импульсивным от-
зывам о твоей тете, врагов у нее было предостаточно. Нет, я
понимаю, застрелить, отравить, грохнуть тяжелым предме-
том, но отсечение головы... Кстати, с этими головами не все
понятно.

Я открыла морозильник, чтобы достать лед для сока, и
сразу узнала пакет, который потерялся. Для пущей убеди-
тельности легонько ткнула его пальцем. Медленно, в бесси-
лии подступавшей слабости, кое-как вытащила пластмассо-
вую емкость для льда. Осторожно прикрыла морозильник
и, уговаривая по очереди правую и левую ногу двигаться,
добрела до раковины. Там меня стошнило. Чай и кусок ба-
бушкиного пирога. Правую руку со льдом я отставила в сто-
рону.

– Я помогу, – подскочил Ладушкин и забрал формочку.
Он стал колотить ею по столу, рассказывая, какие виды про-
явлений нервного расстройства ему встречались за время

службы. Из его объяснений я поняла только одно: внезапные приступы тошноты – это дело у нервных девушек самое обычное, они стоят на втором месте после обмороков.

Сгребая дрожащими руками кубики льда, я заявила, что никогда не визжу и не падаю в обмороки, и вдруг поняла, что сегодня у бочки я упала в самый настоящий обморок, хотя с детства обещала себе не повторять припадки моей мамочки.

– Что? – обеспокоился Ладушкин, заметив, как я растерянно застыла. – Водички?

Ладушкин принес второй поднос в библиотеку. Я смотрела во все глаза на бабушку. Вот она мельком глянула, все ли я принесла. Заметила маленькое серебряное ведерко со льдом. Сначала опустила глаза, а потом осторожно подняла их и посмотрела на меня. Та-а-а-к...

«Допустим, – думала я, усаживаясь, – она обнаружила пакет на траве возле меня, заглянула туда и... Или не заглянула? Нет, раз засунула в морозилку, значит, заглянула. Она потом говорила со мной, приносила халат и ничего не спросила?! Бред».

Конечно, невозмутимости и высочайшему достоинству моей бабушки в любой неожиданной ситуации мог бы позавидовать Штирлиц. Но какая же нужна невозмутимость, чтобы спокойно уложить в морозилку внезапно обнаруженный пакет с отрезанной головой и руками?!

– Инга, ты меня слушаешь?

Я дергаюсь и затравленно смотрю на повысившую голос

бабушку.

– Не отвлекайся. Слушай, что говорит Марина.

– Да я, собственно, все сказала. Мы с Максом подумали... У нас не было своих детей, кто знает, они бы могли быть позже, или...

– Ты хочешь сказать, – перебила ее Ксения, – что в силу своей физиологии уже больше не родишь детей?

– А-а-а?... – обомлела Марина.

– Я спрашиваю, – Ксения брезгливо дернула верхней губой, – ты уже потеряла репродуктивные способности или нет? Из твоего заявления следует, что ребенок вам с Максом нужен, чтобы еще раз изобразить из себя приличную семейную пару, а для этого, конечно, полагается иметь какого-нибудь ребенка. Если ты еще способна размножаться, то девочка Лора вам совсем ни к чему. Плодитесь на здоровье. Если же ты, что для тебя норма, пытаешься жить по мещанским законам приличия в своем понимании и для создания видимости благополучной семьи хочешь воспользоваться сиротством Лоры, то ты сволочь последняя, и к тебе нельзя подпускать ребенка, даже если ему уже пятнадцать.

– Мама! – поморщился дядя Макс.

– Что... Что она говорит, я ничего не понимаю? – Марина сморщила ухоженную мордочку и приготовила платочек для слез.

– Она говорит, – спокойно разъяснила бабушка, – что если ты хочешь наладить отношения с бывшим мужем, изоб-

ражая из себя добросердечную мачеху его ребенка от другой женщины, то это недоброе дело. И, между нами говоря, ты с ним не справишься, Марина. Ты всю жизнь лелеяла и любила себя. Учиться любить еще кого-нибудь уже поздно. А если ты просто хочешь иметь ребенка, то роди его. Ни к чему для этого заводить щенка или девочку-подростка.

– Вы очень жестоки к женщинам вашей семьи, – решила поучаствовать в обсуждении Лада. Она говорила медленно, тщательно выговаривая слова и наделяя каждое определенным смысловым оттенком. При слове «вашей» она понизила голос почти до шепота, обвела присутствующих напряженным взглядом, после чего пригасила его опущенными ресницами. – Вопрос о детях Ханны нужно так или иначе решать. Если я не ошибаюсь, ваша дочь Мария не собирается вообще говорить на эту тему. Понимаете, почему? Потому что предполагается, что ее бывший муж, из-за которого, она, кстати, до сих пор, как и Марина из-за Максима, продолжает испытывать душевное волнение...

– Я не испытываю душевного волнения! – возмутилась мама. – Я хочу справедливости!

– Предполагается, – продолжила Лада, – что ее бывший муж, из-за которого она до сих пор испытывает сильную потребность в справедливости, не имел с Ханной общего ребенка. А Марина уверена, что ее бывший муж является отцом Лоры. Что плохого в том, что она хочет взять на воспитание дочку своего бывшего мужа, чтобы в результате их се-

мья воссоединилась?

– Детей двое, – просто ответила бабушка.

– Вот именно, – кивнула Лада. – Миша ушел, когда наши дочери были маленькие. Он всегда помогал нам, как мог, и не терял с ними связи. Я объяснила девочкам, что папа умер, но у него остался сын...

– У Ханны остались двое детей, – опять вступила бабушка.

– Но у Миши – сын. И со своей стороны я хочу заверить *вашу* семью, что ему в *моей* семье гарантируется уважительное отношение и комфорт.

– Ха! – громко сказала Ксения и добавила с расстановкой: – Ха-ха! А скажи мне, гарант уважения и комфорта, не ты ли предпочитаешь всем мерам воспитания физическое наказание?

– Что она говорит? – пролепетала Марина. – Я ничего не понимаю!

– А вас совершенно не касаются мои методы воспитания детей. И я не понимаю, с чего это вы решили меня критиковать? – У Лады от возмущения покраснели скулы и уши. – Вы достигли весьма преклонного возраста, чтобы участвовать в обсуждении устройства детей, и не обладаете достаточной информацией о моих методах воспитания.

– Обладаю, – возразила Ксения, допив вино и наливая себе еще. – Обладаю и тем и другим. И возрастом, и информацией. Мы почти каждую неделю встречались с Ханной и

ее новым мужем, то есть твоим старым, в кафе и с удовольствием сплетничали. Твой муж тогда только что привязал к себе Ханну штампом в паспорте и был рад и горд до павлиньего крика. Он еще ходил с нею везде и с удовольствием участвовал в обсуждении общих знакомых. Пока Ханна не забеременела. Я думаю, вид ее растущего живота привел Латова в ужас. Вероятно, он вспомнил тебя и те самые педагогические особенности твоего индивидуального воспитания детей, замешанные на садизме, потому что...

– Заткнитесь, – приказала Лада.

– Ведь ты убеждала его не вмешиваться, так как девочек воспитывает мать, а мальчиков – отец. Положа руку на сердце, если бы сейчас здесь был Латов, отдал бы он тебе своего сына?

В этом месте по традициям дома Лада должна была вскочить и наброситься на жену дедушки Пита (у меня не поворачивается язык называть бабушкой Ксению – доктора математических наук в черном платье от Калле и коротком красном болеро с тонкой вышивкой). Конечно, высокая («мо-сластая» – как говорит бабушка) Ксения запросто справилась бы с изящной маленькой Ладой, но та и не думала вскакивать, кричать, замахиваться стульями. Она откинулась на спинку стула и рассматривала Ксению, как доисторического питекантропа, каким-то чудом поместившегося в комнате, закинула ногу на ногу, обнаружив на бедре ажурную перевязь резинок чулка, покачала туфелькой с тонким длинным

каблуком и прикусила нижнюю губу.

– Я возьму себе сына Латова, – заявила Лада после минутного обдумывания. – Девочкам не хватает мужского общества. Они с удовольствием поучаствуют в его воспитании и образовании. Где я могу найти мальчика?

Лада посмотрела на бабушку. Бабушка посмотрела на меня. Я забеспокоилась. Не нравится мне этот задумчивый взгляд. Я совершенно не имела понятия, где и почему Ханна уже несколько лет прятала детей.

– Да! – обрадовалась Марина. – Где дети? Я тоже... Мы с Максом съездим и заберем Лору.

– То-то тебе будет подарочек на старости лет! – захихикала мама.

Я пригляделась повнимательнее. Точно. Ее развезло.

– Ксения, – вдруг проговорила бабушка, и так значительно, что все замолчали. – Ты что думаешь?

– Дождалась! – хмыкнула Ксения. – Неужели ты со мной советуешься, всезнающая и все умеющая сестра моего бывшего мужа?!

– Я не советуюсь. Я спрашиваю, что ты думаешь насчет детей. Их двое.

– Это смешно! – фыркнула Лада. – Ей по возрасту никто не позволит!

– Что тут думать? – пожала плечами Ксения. – Конечно, детей двое. Конечно, их нужно брать только вместе. Но я не знаю, сколько мне осталось. Лору, может, и доведу, а вот Ан-

тона...

– Да как же вы можете?! – заверещала Марина, вскочила, заметалась по комнате и вдруг бросилась перед сидящей бабушкой на колени. – Она! Она... Женщинам нетрадиционной ориентации, понимаете, им нельзя воспитывать детей. Она затравила меня, она разрушила мою семью, она практически подложила Ханну в постель своему сыну! Она!.. А потому что племянница ей очень нравилась! Вы бы слышали, как они смеются по утрам, эти их завтраки – две полуголые женщины в полпятого утра с кофейником на балконе! А полнолуния?! О, эти полнолуния! Жильцы верхних этажей дважды вызывали милицию, потому что они лазили на крышу и выли там – дама преклонного возраста, профессор, и взбесившаяся эротоманка!

– Мы пели, – спокойно заметила Ксения, закуривая.

– Дай-ка и мне сигаретку, – вдруг попросила бабушка.

– Иди сюда, – похлопал себя по ноге дядя Макс. Дождался, пока Марина неуверенно поднимется с колен, подойдет, виновато потупившись. Поднял одной рукой ее лицо за подбородок вверх, а другой залепил сильную пощечину.

– Прекрати обсуждать личные привязанности моей матери, сколько раз говорить. – Он дернул первую жену за руку, усаживая рядом с собой.

– И мне еще говорят здесь о садизме?! – воскликнула Лада.

Ксения затаилась, подошла к бабушке и отдала ей раску-

ренную сигарету. Я допила сок из бокала и разгрызла не растаявший кусочек льда. Дедушка Пит погрозил Максу пальцем. Мама открыла рот и сильно сжала руку отца. Он выдернул руку и подул на следы от ее ногтей.

– Что вы добавляете в сок? – спросил инспектор Ладущкин, восхищенно поцокав языком.

– Мария, я забыла, сколько у тебя комнат? – спросила бабушка.

– А? Что?... – Мама таращит глаза. Она ничего не понимает.

– Я спросила, сколько у тебя комнат.

– Три. Да, три, – кивнула мама.

– Хорошо. Я хочу кое-что сказать. Прошу отнестись к моим словам с вниманием, потому что я устала. Скажу и пойду отдыхать. Так что не переспрашивайте и не начинайте громких потасовок. Дети Ханны – брат и сестра. Мальчик и девочка. Они всегда росли вместе. Никто их не разлучит. Есть предложения о дальнейшей совместной судьбе детей? Совместной, – повторила бабушка.

– Они от разных отцов, – дернула плечиком Лада. – Не думаю...

– Что вы на эту тему думаете, мы уже знаем. Хочу предупредить. Никто детей не найдет и не разъединит. – Бабушка многозначительно посмотрела на инспектора. Инспектор сделал честные удивленные глаза и развел руками. – Любая попытка обнаружить детей с привлечением работников из

органов только разозлит меня. Не советую этого делать, потому что злая я становлюсь опасной.

– Я не понимаю, – пролепетала Марина, посмотрела мокрыми от слез глазами на дядю Макса, не заметила в его взгляде осуждения и осторожно продолжила: – Кто же тогда займется этими несчастными детьми? Даже если они в прекрасном заграничном пансионате или в частном детском доме, семью никто не заменит! Почему вы спросили про квартиру вашей дочери?

– Да, почему? – возбудилась мама. – Ты никогда не доверяла мне ухаживать даже за котенком! Ты отобрала Ингу, ты...

– Я спрашивала про квартиру, чтобы узнать, насколько она пригодна для проживания там детей. Про квартиру, а не про тебя, успокойся. Три комнаты – это хорошо. Тебе придется переехать в однокомнатную Инги.

– Что? – опешила мама.

– Да. Потому что детей возьмет себе на воспитание твоя дочь и моя внучка Инга.

Хорошо, что я догрызла кусочек льда и не подавилась, потому что вздох застрял у меня в горле.

– А кто же будет жить в шикарной квартире Ханны? – прищурилась Лада.

– Дети, – встала бабушка. – Через несколько месяцев, когда все знакомые мужчины Ханны перестанут звонить. Или когда Лора и Антон вырастут и захотят попробовать, какова

она, жизнь вдали друг от друга, в одиночестве. Что ты скажешь, Инга?

Мне очень хотелось фыркнуть и назвать ее предложение «бредом собачьим», потому что представить себя мамочкой двоих почти взрослых людей никакое воображение, даже изрядно уже сегодня травмированное странной посылкой, мне не позволяло. Я пожалала плечами. Неуверенно улыбнулась. Посмотрела на свои руки, потом на босые ноги. Мои застывшие родственники не отводили от меня напряженных взглядов и, казалось, перестали дышать, чтобы лучше слышать стук моего колотящегося под баннным махровым халатом сердца.

– Ну, что тут можно сказать... – Я покосилась на бабушку.

– Вот и хорошо, – удовлетворенно кивнула она. – Значит, мускат? Неси!

Пришлось опять приложить усилия, чтобы тронуться с места.

– Детский сад, – покачала головой Лада, – даже смешно слышать этот бред собачий! Вы все как хотите, а я попробую взять себе мальчика законным путем! Есть еще, слава богу, попечительские советы, исполкомы, общество защиты детей! Ну и семейка! – На меня Лада смотрела с недоумением и жалостью. – А ты почему не противишься? Сколько тебе лет? Почему ты позволяешь этой старухе собой командовать? – она вышла за мной в коридор и направилась к вешалке. – Пойти быстрее отмыться от этого гадючника!

Да! – Лада задумчиво посмотрела на коробку у тумбочки. Я тоже посмотрела. Ноги мои тут же подкосились, я сползла по стене на пол и села, вяло пытаюсь прикрыть колени полами халата. – Пришла посылка на мой адрес с курьером. Написано – Латовым Лоре и Антону. Я думала, что сегодня увижу здесь детей, вот, привезла. Передай своей ненормальной бабуле, пусть разберется. Откройте сегодня. Может, что портящееся.

– Уже уходите? – вышел в прихожую Ладушкин.

– Ухожу, пока не свихнулась. Вот, посылка пришла детям, вы уж проследите, чтобы они ее получили. – Лада доверительно взяла Ладушкина за рукав, потом обхватила рукой посильнее, опираясь, пока вытряхивала туфлю. Ладушкин наклонился, прочитал адрес и задумался. Я закрыла голову руками.

– Очень интересно, – пробормотал он, поднимая посылку и ставя ее на тумбочку. – Это почерк вашего мужа? Бывшего, в смысле, – тут же поправился он.

– Нет, – покачала головой Лада.

– А может быть, посылку отправили родители до того, как их убили! – задумался инспектор.

– Зачем Ханне отправлять посылку на адрес бывшей жены ее четвертого мужа! – Я почему-то сказала это очень громко, получилось, что кричу.

– Она могла сделать это для конспирации, что-то заподозрив. – Ладушкин осматривал белую картонную коробку.

Точно такую же передала мне соседка Ханны. Вот он взялся за перевязь бечевки!..

– Бабушка! – закричала я, чуть не плача.

– Ты что, Инга? – выглянула она из библиотеки.

– Бабушка!!

– Да не кричи так, что тут у вас? – Она подозрительно посмотрела на Ладу, та фыркнула и решительно направилась к двери.

– Мне плохо, я не могу встать, у меня отнялись ноги, меня тошнит, колет в боку, спазмы в горле, боли в спине и под мышками, и сейчас пойдет кровь из носа!

– Детка?...

– От такого насилия любого хватит удар! Ничего, – зло-радно успокоила меня Лада перед тем, как хлопнуть дверью, – бабушка тебе поможет!

– Мне нужно лечь, не могу дышать, я сейчас умру! – Кивком головы я указала на Ладушкина. Бабушка посмотрела на него, растерянно застывшего у посылки. Потом на меня. Потом опять на него. Потом на посылку, и в этот момент я лягнула ее босой ногой.

– Помогите. – Бабушка потянула меня вверх за руки, я уронила голову и закрыла на всякий случай глаза. – Вы можете отнести девочку на диван?

– Конечно! – кинулся ко мне Ладушкин, и я только ослабилась и запрокинула назад бессильно болтающуюся для правдоподобия голову, когда он легко поднял меня, прижал

к колючему свитеру и понес, спотыкаясь то у одной двери, то у другой, не в силах определить спальню. Спальни в доме бабушки были наверху. Четыре. Но он же этого не знал.

В кармане моей куртки в коридоре звонит телефон. Я лежу на диване в библиотеке, и сломанная пружина давит в бок. Мне тепло, сонно, и, если бы не пружина, я бы даже не поняла, что заснула. Придется встать. Отдаленный еле слышный звук, как звон надоедливого невидимого комара. Я опускаю ноги на пол, в темноте, выставив руки, иду к двери, обозначенной полосками света из прихожей. Спотыкаюсь. Падаю на колени. Ощупываю руками жесткую шерсть и вспоминаю, что это козы шкуры на полу, не успев испугаться.

В прихожей – никого. Телефон в куртке замолчал. Ознобом вдруг накатило воспоминание о дружеской семейной вечеринке, о решении бабушки. Надо быстрее спросить, что она имела в виду, надеюсь, про меня и детей Ханны было сказано для конспирации. Переминаюсь с ноги на ногу минуты три. Больше не звонит. Иду в кухню, утыкаюсь взглядом в холодильник. Поворачиваю обратно в прихожую. Коробки нет.

Интересно, кого должен был арестовать инспектор Ладушкин, если он распотрошил-таки коробку и обнаружил в ней то, о чем я думаю?

Шлепанцы (из шкуры козы, мехом внутрь) стоят у сте-

ны, я влезая в них, обхожу первый этаж. В гостиной у окна сидит в кресле-качалке дедушка Пит и болтается туда-сюда, подстерегая наступающие сумерки. Неужели все разъехались? Неужели мои родители даже не дождались, когда я приду в себя? Они же не могли догадаться, что меня внезапно сморил сон, как только инспектор Ладушкин с максимумом предосторожностей уложил мое безвольное обмякшее тело на диван?!

Стараясь ступать бесшумно (для этого приходится идти не поднимая ног, как будто натираешь паркет), я возвращаюсь в кухню, делаю несколько глубоких вдохов и длинных выдохов и после шестого вдоха открываю дверцу морозильника. Странно, но наличие в заиндевевшей камере еще одного пакета знакомой конфигурации меня даже слегка успокаивает. Значит, Ладушкин не вернулся к посылке, не распотрошил ее, не стал догонять первую жену Латова – это же она принесла посылку – и задерживать ее. Не приказал всем присутствующим не покидать дом бабушки, пока ведется расследование. Дороги не занесло внезапным сентябрьским снегом, не порвало провода, и вся наша дружная любящая семейка не оказалась оторванной от цивилизации и запертой в скучном английском детективе.

Чтобы подняться по лестнице, шлепанцы придется снять. Я обхожу второй этаж. Никого. Неужели Ладушкин решил задержать всех присутствующих? Погрузил их, скованных наручниками, штабелем в свою легковушку или потащил,

связанных веревкой, на станцию к электричке?

Чтобы спуститься вниз в подвал, лучше вообще надеть более подходящую обувь. Сойдут мои старые кроссовки, я спускаюсь по металлической лестнице и сразу вижу бабушку у старого угольного котла. Она сидит на низком стульчике и сосредоточенно вырезает что-то большими ножницами.

– Давай помогу. – Я подошла очень тихо, бабушка застыла, услышав мой голос, но в поднятом ко мне лице не было ни тени страха или досады.

Плотный картон коробки легче резать ножом. Стараясь не думать о том, что делаю, я выпиливаю прямоугольник, на котором написан адрес квартиры Лады Латовой, и приписка – кому: «Латовым Лоре и Антону». Отчаяние и страх заставляют трепыхнуться мое сердце невпопад.

Бабушка рвет порезанную коробку и жжет картон в топке. Я разворачиваю одну из газет, которые были в посылке, они валяются скомканные на полу. Подумав, расправляю ее, потом аккуратно сворачиваю и кладу на вырезанный прямоугольник.

Дверца топки закрыта. Бабушка уносит вырезанную картонку с газетой к полкам. Кладет под старую бензопилу.

– Мы поговорим здесь. – Она тяжело опускается на табуретку у разделочного стола с металлической столешницей. – Этот инспектор обошел первый и второй этаж, а в подвале не был.

– Ты же не думаешь, что он, как в шпионских фильмах,

будет нас подслушивать?

– Не думаю. Но по телефону со мной о деле не говори.

– Бабушка!

– Инга, послушай, что скажу. Я хочу знать, как у тебя дела с мужчинами.

– Вообще или с Павлом? – Я привыкла ничему в бабушке не удивляться, отвечаю примерно вопросом на вопрос.

– Сначала – вообще.

– Вообще – никак.

– А твой фотограф, вы же работаете вместе?

– Оператор. Он снимает камерой. Мы работаем вместе, и между нами существует негласный договор категорической дружбы и взаимопомощи.

– Негласный – это когда ни один из вас не сказал другому, что он по этому поводу думает? – задумывается бабушка.

– Такое не надо обсуждать. Такое чувствуется сразу. Я всегда различаю, когда нужна мужчине по делу, а когда... ну, ты понимаешь.

– Хорошо, что чувствуешь. Я всегда молила судьбу, чтобы она не обделила тебя моей интуицией. Твоя мать сказала, что мужчина, с которым ты любишься, женат.

Я закрываю глаза и тяжело вздыхаю.

– А она не сказала, что опасается проявления у меня тяжелой тетушкиной наследственности?

– Приблизительно это ее и беспокоит. Давно ты с ним?

– Больше года.

– Это долго, – кивает бабушка. – Он стал засыпать?

– Засыпать?

– После того как вы отлюбите, он засыпает?

– Иногда. – Я пытаюсь вспомнить. – После второго раза.

– Но раньше ведь не засыпал?

– Откуда ты знаешь?

– Я все знаю о мужчинах. Вы встречаетесь один раз в неделю? Два?

– Один.

– А остальные шесть дней? – удивляется бабушка. – Что ты делаешь остальные шесть дней?

– Жду.

– Чем ты его угощаешь?

– Пирожками с клубникой и апельсинами, – отрапортовала я грустно.

– Твоя выдумка? – улыбается бабушка. – Что-то я не припомню, чтобы пекла такие пирожки.

– Моя.

– Клубника и апельсин... Хорошо бы приправить горьким лимоном.

– Бесполезно. Он назвал это повидлом. Вчера.

– Вот как! – оживилась бабушка и внимательно всмотрелась в мое лицо. – А ты и сразу раскисла?

– Я удивилась.

– Тогда вот что. – Она положила ладони на стол, я подвинула одну к себе и легла на нее щекой. – Ты должна решить,

насколько тебе нужен этот мужчина.

– Я ничего не хочу менять, – еле слышно пробормотала я.

– Не в твоей породе. Не в твоей. Ты хочешь с ним любить-ся и дальше? Как долго?

– Очень долго.

– Тогда слушай внимательно. Перед тем как уложить начинку в тесто, возьми чайную ложку, желательно серебряную. Та ложка, что я дарила, еще у тебя?

Я киваю, елозя щекой по ее ладони.

– Хорошо. Она должна быть чистой, сухой, и вообще лучше для других нужд ею не пользоваться, потому что серебро впитывает запахи, а запах в этом деле – самое главное. Ты должна стать в темном месте и подумать о возлюбленном. Осторожно вложить ложку себе внутрь настолько глубоко, насколько тебе это понравится. Вытащить и накладывать начинку ею.

Я поднимаю голову, расставляю ноги и смотрю в прорезь халата.

– То есть сюда?... – показываю пальцем вниз.

– Конечно, – невозмутимо отвечает бабушка. – Для начального знакомства осторожная женщина может просто ложку облизать, но для укрепления любовных отношений – туда.

– А... А если – месячные? – Я настолько обалдела, что вдруг почувствовала себя как в кабинете гинеколога.

– Не хотела тебе говорить, но месячные – это лучший ва-

риант. – Бабушка смотрит в мое лицо, усмехается и проводит пальцем по моему лбу, не разрешая хмуриться. – Это – беспроегрышный вариант, особенно если твои дни совпадают с полнолунием.

– Откуда ты знаешь? – Я перехожу на шепот.

– Наследственное, – пожимает она плечами. – Все женщины в моем роду позднего созревания, все имеют тесную связь с луной, и все... как это сказала сегодня Марина?

– Эротоманки?

– Грубое слово, но что-то в нем есть.

– Действительно, мои мокрые дни всегда проходят под полной луной, я в эти ночи еще и спать не могу. Но мне уже двадцать три, а я не чувствую никакой потребности бросаться на всех мужчин подряд!

– Это слово обозначает совсем другое. Послушай, то, что я тебе посоветовала, ну, с ложкой, это очень серьезно. Подумай, прежде чем делать. Вдруг ты не захочешь видеть своего возлюбленного каждый день!

– Каждый день? Он... Он что, захочет после этого видеть меня каждый день?

– Не знаю, как насчет видеть, но вот все другое... Он захочет это делать только с тобой. Скажи мне «спасибо».

– Спасибо, – в полном ступоре говорю я.

– Пожалуйста. Это важно – поблагодарить за такой совет. Это очень важно, чтобы от души, понимаешь?

– Понимаю, – киваю я послушно, ничего не понимая. –

А что это значит – в нашем роду? Никто ничего не знает о твоих с Питом родителях, о родителях ваших родителей. Моя мать в поисках своего прошлого даже посетила архив.

– Дура, – равнодушно замечает бабушка. – Я тебе все расскажу подробно, но попозже. Вот найдем детей, соберемся вместе – ты, я и Лора, и поговорим. А пока сходи к дедушке Питу и отвлеки его от созерцания наступающей темноты, пока он не впал в исступление.

– Ты, я и Лора? А моя мать? Хотя да, я понимаю. Если бы была Ханна... Извини.

– Не извиняйся. Чему-то тебе у Ханны стоило поучиться. И мне. И Марии. Но в целом – она была недоработанным материалом. Я ее недолюбила. Надеюсь, в новой жизни ей больше повезет.

В гостиной зажжены все лампы. Дедушка Пит, качаясь, сидит на посту у окна.

– Возьми. – Я протягиваю ему бокал.

– Что это? – не останавливаясь и не поворачиваясь, спрашивает он.

– Мускат. Слышишь, пахнет?

– Вспомнил, – сообщает Питер. – Вспомнил, где я видел этого милиционера. Он отказался искать моего кота! Бедный Руди!

– Клаус, – поправляю я. – Питер-Клаус.

– Это кота так звали, а на самом деле это был Руди.

– Нет, Руди был твой старший сын.

– Не делай из меня идиота. Я знаю, что сначала он был сын, а потом к нам пришел бездомный кот. Как только Руди ушел в землю, сразу же появился кот!

– Отвернись от окна.

– Я в порядке.

– Все равно отвернись. – Я разворачиваю кресло-качалку.

Питер расплескивает вино.

– Я вижу в темноте. Я все вижу.

– Я знаю.

– Но ты не веришь?

– Верю. Ты видишь в темноте, как кот. И каждый вечер опять и опять утверждаешься в этой своей способности.

– Мы гуляли с Клаусом по ночам. Помнишь нашу соседку? – оживился Питер, оттирая рукавом пятно от пролитого вина на халате.

– Которую? – вяло интересуюсь я, сдерживая зевок.

– Ну эту, в завивке! Она еще держала кур.

– Ладно, помню.

– Она стала борщевиком.

– Что?

– Ее похоронили в пятницу утром, а в субботу у самого нашего забора вылез росток борщевика. Я гулял с Клаусом ночью, и мы слышали, как росток протыкает землю.

– Что это такое – борщевик?

– Ядовитое зонтичное.

– Так ей и надо, – успокаиваю я Пита.

– Не скажи. Что я потом ни делал – выкорчевывал, заливал кипятком, а он выживал и обжигал Золю и тебя!

Я вспомнила, как давно летом обмахивалась от комаров сорванным крупным листом, а потом попала в больницу с красными пятнами на руках, шее и ногах.

– Питер, а где теперь этот куст?

– Сам ушел. – Дедушка поник головой и застыл в легкой дреме. – Это значит, она родилась опять. Переждала... Нажалилась в свое удовольствие и родилась где-нибудь... беспомытным младенчиком...

В понедельник утром позвонил инспектор Ладушкин и спросил, где я предпочитаю провести с ним официальную беседу – в отделении милиции или в квартире Ханны, ему все равно нужно опросить соседей.

Мы звонили в квартиру с десяти двадцати до десяти сорока пяти. Ладушкин для разнообразия каждые пять минут стучал ногой в дверь, звонил по моему телефону в свой отдел, чтобы в пятый раз получить подтверждение, что оставленный в квартире сержант должен там находиться, поскольку нигде больше его нет.

– Ладно, – озверел Ладушкин к одиннадцати. – Будем вскрывать дверь!

– А может, начнем опрашивать соседей. Вернее, соседку, – кивнула я на дверь рядом.

Замок соседской двери щелкнул, как я только поднесла руку к звонку.

– Вам повезло, – заявила женщина вместо приветствия, когда открыла дверь. – Я подвернула ногу.

Я объяснила ничего не понимающему Ладушкину, что по понедельникам соседка Ханны обычно возвращается с дачи только к вечеру. Инспектор подготовил свой блокнот, соседка Ханны сразу отвела его на кухню, вот он уже зажат на табурете в углу между столом и холодильником, и я могу спокойно выйти на балкон.

Четвертый этаж. Балконы идут по этой стороне дома сплошной полосой, разделенной перегородками. Прогнувшись, я постучала в окно Ханны. Осторожно закинула ногу, вцепившись руками в барьер. Ну вот, балкон закрыт. Зато открыта форточка. Если поставить длинную деревянную цветочницу с засохшей землей стоймя, то земля начнет вываливаться пересушенными комьями, но можно залезть на нее ногами и проползти в форточку.

Когда я пролезла по поясу, я вдруг подумала, что мои предположения о приятном времяпрепровождении противного сержанта могут ведь и не подтвердиться. А что, если он не спит беспробудно после случайного обнаружения фантастического бара Ханны, а лежит где-нибудь под столом совершенно бездыханный, то есть убитый?! А я лезу в квартиру, вместо того чтобы направить туда первым Колю Ладушкина! Став ладонями на подоконник и повиснув вниз головой, так что ноги болтались на улице, я начала анализировать, почему и кем он может быть убит? Даже если все любовники Ханны

(а их должно быть неисчислимо количество) не знают еще о ее смерти, они должны помнить, что воскресенье – мужнин день. А вечер понедельника еще не наступил. А вдруг они приходят с утра? Ладно, по предварительном осмотре комнаты, в которую я уже наполовину влезла, никаких бездыханных тел здесь не наблюдается. Кое-как протащив ноги внутрь, сижу некоторое время на подоконнике, восстанавливая дыхание. Открываю балконную дверь, потому что, по моим подсчетам, инспектор Ладушкин уже должен перевернуть информацию о недельном распорядке моей тетушки и скоро пойдет посмотреть, действительно ли с балкона гостеприимной соседки легко попасть в квартиру Ханны.

Я, осторожно ступая, выхожу в коридор. Тишина. Чтобы не обмирать от страха с каждым шагом, решаю осмотреть квартиру бегом. Проскакивая по коридору из спальни в кухню, замечаю по выключателю, что в ванной включен свет. Прислушиваюсь, прижавшись ухом к двери. Я даже берусь за ручку, но в другой спальне слышен шум и отдаленный грохот. Иду туда. Инспектор Ладушкин, входя через балкон в комнату, задел цветочный ящик. Ящик упал, вывалив наконец из себя всю засохшую землю.

– В ванной горит свет! – тут же докладываю я шепотом. – В остальных комнатах – пусто!

После моих слов инспектор с напряженным лицом шарит у себя сзади, словно почесывает поясницу, и вдруг выдергивает пистолет.

– Оставайся здесь, – приказывает он, отстраняет меня рукой и уходит.

Со своего балкона кричит соседка.

– Что там было в посылке? – спрашивает она, с удивлением разглядывая сухую землю.

– А... В посылке?... Яблоки.

– Яблоки. А то инспектор меня спрашивал, что там могло быть. И очень похоже эту самую посылку описал, как будто видел своими глазами.

Лихорадочно соображая, кто теоретически мог прислать в посылке яблоки, я вдруг замечаю, как в земле что-то блеснуло. Наклонившись, вижу, что это ключ на крошечной бирке.

– Ты уж извини, – продолжает соседка, – я могу сама убрать, только через балкон не полезу. Откроешь дверь?

– Убрать?

– Сама видишь. – Она кивает на кучу у моих ног, пока я прячу ключ в кулаке. – Ничего с ним не поделает. Он по этому барьеру иногда уходит за восьмой подъезд. Ханна не ругалась. Говорила, пусть себе ходит, я ей предложила посадить ноготки, она только отшучивалась.

– Кто ходит? – Покосившись, я убеждаюсь, что инспектора в комнате все еще нет, и быстро прячу ключ в карман джинсов.

– Да мой кот, чтоб его разнесло!

Только теперь, присмотревшись, я поняла, что стойкий дух кошачьих эксcrementов – это не запах из квартиры

соседки. Вся земля из цветочницы от души ими удобрена.

– Не волнуйтесь, я сама уберу.

– Да мне нетрудно, что ж поделаешь, если он такой гад. Это у Ханны на балконе еще ничего особенного не стоит. Представляешь, что он удобряет на других балконах! – Она кивает в балконную даль. В подтверждение ее слов на металлическую перекладину легко запрыгивает кот. Он идет по ней ко мне, задерживается, рассматривая безобразие на полу, принюхивается, брезгливо дергает хвостом и шествует с грацией канатоходца дальше. На соседнем балконе он не задерживается. И на следующем тоже. Я смотрю на его хвост,двигающийся в такт шагам, пока он не превращается в рыжее пятнышко, и вспоминаю о Ладушкине.

Инспектор стоит у дверей ванны, приказывая мне жестом молчать. Убедившись, что я застыла в отдалении, он продолжил отжимать стамеской замок двери. Я смотрю, как Ладушкин поддевает дверь снизу гвоздодером, осторожно тянет на себя, а гвоздодером тычет назад. Догадавшись, что вот и я пригодилась, беру гвоздодер и решаю воспользоваться им как средством нападения, если из ванной вдруг кто-нибудь выскочит.

Ладушкин, с трудом развернувший дверь и открывший проход в ванную, и я, замахнувшаяся гвоздодером, в первый момент ничего не понимает. Из пены, с одной стороны, торчит большая ступня, шевеля пальцами, а с другой что-то похожее на голову в шлеме. Ладушкин вытаскивает свой пи-

столет спереди из-за пояса, медленно упаковывает его в кобуру сзади (мне хорошо видно, как он не сразу в нее попадает, потому что рука слегка дрожит) и решительно приседает у ванны.

Мне не видно, что он делает, но тот, который лежит в пене, дергается, дрыгая ногами и заливая пол водой. Я потом поняла, что Ладушкин включил на полную громкость магнитофон, стоящий на коврикe. От этого сержант в ванной со стереонаушниками на голове всполошился, снял наушники, уставился на нас со страшным изумлением, осмотрел то место, где раньше висела дверь, и так обалдел, что встал в полный рост, забыв прикрыться.

Ладушкин подал ему полотенце.

– Это японские стереонаушники, – заметила я, показывая пальцем на мокнушие на краю ванной наушники, – восемьдесят долларов, если не ошибаюсь. А это...

Я не успела рассказать все, что знаю про компактную «Сони» на полу.

– Инга Викторовна, выйдите и дайте сержанту одеться, – перебил меня Ладушкин.

– И во что, интересно, он будет одеваться? В кимоно моей тетушки или вот в эти семейные трусы дядюшки? Его одежда и нижнее белье разбросаны по кровати в спальне Ханны!

– Ну, знаешь! – попробовал возмутиться сержант, прикрывая кое-как полотенцем свои чресла. – Ты с представителями закона поуважительней! Я ведь могу и привлечь за

насмехательство!

О чем они потом говорили, я не знаю, но сержант ушел не попрощавшись, Ладушкин кое-как приладил замок в ванной, а я за это время, оставленная без присмотра, медленно и тщательно собрала в цветочницу землю на балконе, всю ее перелопатив, но ничего интересного больше не обнаружила.

Наконец мы сидим на кухне, пьем чай и пытаемся разыграть что-то вроде допроса. Ладушкин стал обращаться ко мне на «вы».

– Вы знали, что у вашей тети было множество знакомых, которые ее посещали, проникая в квартиру в отсутствие мужа не совсем традиционным способом?

Я киваю.

– Тем самым круг подозреваемых очень расширяется. Очень!

Я киваю.

– Ваш дядя догадывался о наличии у своей жены такого количества близких знакомых?

Я пожимаю плечами.

– Вы часто встречались с Ханной Латовой?

Я отрицательно качаю головой.

– Не были родственно близки?

Я не успела покачать головой еще раз – что-то вспомнив, Ладушкин тут же задал другой вопрос:

– Почему ваша бабушка решила предоставить заботу о воспитании детей Латовой именно вам?

Я пожимаю плечами.

– Открой рот, – вдруг говорит Ладушкин устало, опять переходя на «ты».

Послушно открываю рот, но он смотрит не в него, а в глаза.

– Я имел в виду, скажи, наконец, хоть слово!

Ничего на ум сразу не приходит, я закрываю рот и пожимаю плечами.

– Что было в посылке?

– Яблоки, – отвечаю сразу, не задумываясь.

– А в той, которую принесла вчера бывшая жена Латова?

– Яблоки.

Не спуская с меня глаз, Ладушкин вдруг протягивает руку и берет трубку телефона со стены. Набирает номер, а я ругаю себя на чем свет стоит, что не догадалась позвонить бабушке, пока он занимался замком. Он дождался, пока там снимут трубку, представился. Кто взял, дедушка или бабушка? Хорошо бы дедушка, он ничего не знает про посылку! Хорошо бы бабушка ушла на станцию в магазин или на клумбу. Когда она сидит на клумбе, обрабатывая розы, она неприкосновенна, на телефон не реагирует, ни с кем не разговаривает. Не повезло. Устав от переживаний, я тупо отмечаю накатившее на меня равнодушие.

– Значит, яблоки? – Инспектор задумывается и расправляет шнур телефона. – А скажите, пожалуйста, Изольда Францевна, кто вам прислал эти яблоки? Что? Сейчас по-

смотрите? Я подожду, не вешайте трубку. Я? Я в квартире вашей дочери Ханны беседую с Ингой Викторовной. Да, она знает, что в посылке были яблоки.

Так. Внимание. Бабушка знает, что я здесь, и уже в курсе, что я сказала насчет содержимого посылки. Ладно, я тоже знаю, что она скажет. Ну, на девяносто процентов. На девяносто три. С половиной. Когда она меня в детстве уличала во лжи, я все сваливала на Мэри Эн. Моя любимая пластинка с Алисой в стране чудес... Бабушке потом было достаточно только спросить. И если я хотела извиниться за вранье или просто признаться в нем, то говорила, что это все сделала Мэри Эн. «Бабушка, что бы ты сделала, если бы узнала, что Мэри Эн сломала твою музыкальную шкатулку?»

Ладушкин кивает и вешает трубку на стену у стола. Смотрит на меня.

– Мэри Эн? – интересуюсь я.

– Кто это – Мэриэн? – спрашивает он раздосадованно, и я с гордостью добавляю к девяносто трем с половиной еще шесть с половиной процентов.

– Это та, которая всегда присылает яблоки детям.

– Почему же этой Мэриэн не было на вашем семейном совете? Кто она?

– Мэри Эн никогда не приходит на семейные советы.

– Мне не нравится это дело, – заявляет Ладушкин и, подумав, добавляет: – Оно мне совсем не нравится. – Он берет блокнот и пишет. – Мэриэн, а фамилия?

– Мэри – имя, Эн – фамилия. Вернее, Эн – первая буква ее фамилии, я точно не помню саму фамилию, просто есть еще одна знакомая Мэри, – вдохновенно сочиняю я, – но та Мэри – Пэ, понимаете, а эта – Мэри Эн, и не надо ее писать в ваш блокнот, это и не родственница совсем.

Ладушкин бросает ручку.

– Положа руку на сердце, что ты думаешь о своей семейке?

– Я ничего не думаю. Она просто есть. Думай не думай, ничего ведь не изменить. Семью, как и родителей, не выбирают.

– Это да, – досадливо морщится Ладушкин, – но как-то все слишком нервно, не по-настоящему! А твой дедушка! Почему никто не сказал, что он состоит на учете в психдиспансере?

– Я не знала, – говорю я тихо.

– Твоя бабушка – его вторая жена? Почему у вас нет ни одного приличного одноразового брака?

– Бабушка – его сестра. Его бывшая жена – Ксения, это был совершенно одноразовый брак, потому что после развода никто из них больше не завел другую семью. Просто дедушка стал жить с сестрой, а Ксения отдельно. Я не знала про диспансер, хотя после смерти старшего сына дедушка сильно сдал.

– Сильно сдал? Ты это так называешь? Вчера при нашем разговоре он меня на полном серьезе уверял, что без голо-

вы его племянницу Ханну хоронить совершенно бесполезно, потому что она не найдет себя на другом свете. И что человек, задумавший такое надругательство, преследовал только одну цель – заблудить Ханну во времени и не дать ей спокойно переждать время между смертью и новой жизнью в виде какого-нибудь животного или растения.

– Он не ненормальный. Просто... Вы считаете дальтони-ков психически больными?

– Нет. А он дальтоник?

– Вот видите. Вы не считаете больным человека, который видит мир в другом цвете. Представьте, что есть люди, которые видят мир в других конфигурациях.

– Как это?

– К примеру, то, что для вас – круглое, для них – квадратное. Или кислое.

– Понятно, – зловеще уставился на меня Ладущкин. – То, что для меня круглое, для него – кислое?

– Это к примеру, – пробормотала я, сжавшись.

– Когда ты последний раз видела свою тетю? – спросил он строго, опять взявшись за ручку.

– На позапрошлой неделе. Они привезла мне обезьяну.

– Где твоя тетя взяла обезьяну?

– Нашла на улице. Обезьяна была в шортах на подтяжках, в кедах, с ошейником и копалась в урне. Ханна взяла ее за ошейник, завела в машину, пристегнула ремнем...

Я вдруг представила, что сказал на это ее муж Латов. Он

наверняка уговаривал ее не сходить с ума, не тащить в машину орангутанга, а Ханна хохотала и уверяла его, что это безобидный шимпанзе.

– Инга Викторовна!

– Что?...

– Я спросил, зачем вам обезьяна?

– Она привезла ее, чтобы сфотографироваться.

– Вы – фотограф?

– Я умею.

Ханна первым делом разделась до нижнего белья, потом заставила раздеться Латова, он почему-то категорически отказался снять трусы, носки и галстук. Ханна решила, что в таком виде даже веселее, и я полчаса фотографировала эту тройцу. «Я пошлю детям на память!» – кричала Ханна, бегала за шимпанзе по квартире и кормила его яблоками.

Говорить или не говорить Ладушкину, что в этот момент в кухню забрался через форточку большой попугай и стал страшно орать, а потом вдруг полетел по квартире, чего раньше никогда не делал? Латов ловил попугая полотенцем, шимпанзе тоже раскричался, угрожающе скаля зубы. «Снимай! Снимай!» – кричала Ханна, ухватив размахивающего крыльями попугая за лапы, подняв его над головой и уворачиваясь от прыгающего за птицей шимпанзе. Лучше не говорить, хотя, он, наверное, уже навел справки и узнал, что я-то пока не состою на учете у психиатра.

Перспектива остаться в квартире одной с половозрелым

шимпанзе меня не очень обрадовала, я завершила Ханну, что не заинтересована в дальнейшем его проживании у меня и не имею совершенно никаких творческих наработок насчет обезьяны, даже такой сексуально неотразимой. Тогда, отпуская шуточки по поводу половых органов шимпанзе и своего супруга, Ханна позвонила по телефону, указанному на ошейнике обезьяны, и через сорок минут его забрал красный от радости и волнения мужчина кавказской национальности.

– Я попрошу выделить мне работника в помощь, – пожаловался Ладушкин. – Очень много людей вертелось вокруг этой женщины. Если имеешь какие-нибудь соображения по поводу врагов семьи Латовых или лиц, им угрожающих, то сейчас самое время об этом заявить.

Я пожалала плечами.

Мы вышли из квартиры, потом я вспомнила, что не закрыла балконную дверь. Ладушкин, чертыхаясь, возился с замками и ждал меня на лестнице.

– Эта самая посылка с яблоками, которая первая, – уточняет он, зловеще ткнув в меня указательным пальцем, – пришла не на адрес, где прописаны дети! А?

– Что – а? Почему вы так со мной разговариваете? То на «ты», то на «вы»? Кричите, тычете пальцем, акаете? Давайте договоримся, Николай Иванович, если вам удобно, зовите меня на «ты», но без раздражения.

– Это у меня профессиональное, – объясняет Ладушкин, извиняясь и спускаясь по ступенькам. – Я когда чего-то не

понимаю, я раздражаюсь. А когда я раздражаюсь, начинаю злиться. А когда я начинаю злиться, у меня лучше работает аналитический аппарат.

– Хорошо, – киваю я, принимая извинения. – Мне тоже очень странно, почему посылка детям пришла на адрес соседки.

– Тебе странно? – подозрительно ласково спрашивает Ладушкин. – На сколько номеров буфер телефона? – Он кивает на мою сумку.

– На десять, – настораживаюсь я.

– Дай сюда.

– Не дам. – Я прячу сумку за спину. Мы останавливаемся. Я – на две ступеньки выше. – Пока не скажете зачем, не дам.

– Я хочу узнать, звонила ли ты бабушке, пока я, как дурак, снимал дверь в ванной.

– Бабушке?

– Ну да, договориться о содержимом посылки.

С чистым сердцем я отдаю Ладушкину телефон. Показываю, какие кнопки нажать, чтобы посмотреть номера последних исходящих и входящих звонков.

– Не звонила, – задумчиво бормочет он, протягивая мне телефон. – Значит, заранее договорились.

– Да почему вы думаете, что нам нужно было договариваться? – повышаю я голос.

– Это элементарно. К твоей тетке ходил целый взвод мужиков. И для конспирации мужики звонили в дверь сосед-

ки. Очень удобно: входят в соседскую квартиру, перелезают через балкон, а если вдруг начинается банальный анекдот с внезапным возвращением мужа, лезут обратно. А когда соседки не было, я думаю, Латова просто пользовалась ее квартирой. Вот у меня записано: Григорий Павлович, который настолько же презентабельный, насколько и тучный. Он не перелезал в квартиру Латовой через балкон. Думаю, его твоя тетка радовала своим грешным телом в квартире соседки.

– При чем здесь посылка?

– Адрес! – многозначительно потрясает блокнотом Ладушкин. – Приходящие ловеласы знали номер квартиры соседки, они звонили в дверь с номером двадцать четыре! Но не добрая Мэри Эн! Ей-то зачем присылать посылку в соседнюю квартиру?! – Инспектор с торжествующим видом наблюдает мою растерянность и переходит на официальный тон: – Инга Викторовна, сознайтесь, что в этих посылках?

– А зачем Мэри присылать вторую такую же в квартиру бывшей жены Латова? – Это я пытаюсь отвлечь внимание Ладушкина.

– Насколько я понял, ваша тетушка Ханна спрятала детей так, что уже несколько лет их никто не видел. Логично предположить, что некто, – Ладушкин опять потрясает блокнотом, намекая, что этот «некто» точно принадлежит к клану поклонников Ханны, – решил передать что-то детям и посылает две посылки. Одну – на адрес, который ему известен как адрес Ханны. Другую – на старый адрес мужа Ханны, Лато-

ва. Почему вы знаете, может, бывшая жена Латова и прячет у себя детей? По крайней мере, мальчика. Она особа решительная, пробивная, а вдруг этот мальчик уже у нее?

В этот момент я вдруг осознала, что было во второй посылке. Как-то так получилось, что до этого момента я не думала, что там может быть. И сейчас, начав падать сверху на Ладушкина (потому что от одной только мысли, что там должно быть, мои ноги подкосились), я простонала: «Голова!»

Ладушкин подхватил меня, не удивившись. Он закинул мое обмякшее тело через плечо, и оно, это плечо, вдавилось в желудок железобетонной сваей. Спустился на один пролет, посадил меня на подоконник и похлопал по щекам. Вверх поднимались мужчина и женщина. Женщина посмотрела участливо, а мужчина постарался быстрее прошмыгнуть мимо.

– Голова? – поинтересовался инспектор, когда я стала хватать его за руку, пока мое лицо не пострадало до степени необходимости применения примочек и косметики.

– Да, голова. – Я сжалась, заметив взгляд, которым инспектор отдела убийств окинул меня с головы до пояса: помесь жалости и брезгливого снисхождения.

– Что – голова?

– Голова болит! – Я повысила голос.

– Ты, Инга Викторовна, с обмороками не переусердствуй. – Инспектор протянул мне сумку, я обхватила ее и

прижала к себе. – Не бери пример с мамы, это не тот случай, когда надо брать пример с родителей! – Он помахал рукой и стал спускаться вниз.

– Не ваше дело, – огрызнулась я. – Обмороки – это личное дело каждого! – Я вскочила и перегнулась через перила.

Ладушкин услышал мое движение и еще раз помахал рукой, не глядя.

– Отдайте ключи!

– Какие ключи? – Теперь ему пришлось поднять лицо вверх.

– От квартиры. Если вы больше не будете устраивать в ней санаторий для оперуполномоченных вашего отделения, отдайте ключи!

– Зачем вам ключи?

Нет, это уже смешно. То ли от пренебрежения ко мне, то ли от раздражения, но инспектор никак не определится, как ко мне обращаться – в единственном числе или во множественном! Надо успокоиться и попробовать тоже изобразить на лице что-то вроде отрешенности. Этакую помесь наивности и утомленного раздражения.

– Николай Иванович, вы же слышали, теперь это квартира детей.

– Пока идет следствие... – начал было Ладушкин, раздумывая, не подняться ли ко мне. Вероятно, он полагал, что я лучше усваиваю информацию в непосредственной близости. За эти два дня я даже привыкла к его запаху изо рта.

– Следствие, судя по вашей манере его вести, – перебила я инспектора и начала спускаться к нему, – может длиться бесконечно долго. И я не собираюсь вам чинить препятствия. В машине с телами... – Тут я, конечно, слегка сбилась, но достаточно быстро овладела собой. – С телами Латовых были обнаружены их личные вещи? Ну, сумочка Ханны с документами, и у Латова что-то должно быть.

– Да, – неуверенно ответил Ладушкин, подозрительно всматриваясь вверх, в мое приближающееся лицо. – Была сумочка с документами у Латовой и папка у ее мужа.

– Значит, там были, как минимум, два комплекта ключей.

– Ну и что?

– Возьмите себе один из них, пока идет следствие. А эти отдайте мне. – Я бесцеремонно выдернула из его рук ключи. – Ведь вы взяли их в квартире?

– Нет. Это именно один из комплектов, которые находились при умерших. Верни ключи, я за них расписался.

Я задумалась.

– Где же третий комплект?

– А он был?

– Должен быть, – пожала я плечами. – Ключей обычно бывает столько, сколько людей ими пользуются. Так? – Не обращая внимания на впавшего в задумчивость инспектора, я продолжила: – Муж, жена и двое детей. Даже если младшему, Антону, ключи не полагались, все равно получается три комплекта.

– А может быть, этот третий комплект и находится у детей, – предположил Ладушкин, и возразить мне было нечего.

Я задумалась, потом решительно поинтересовалась:

– Вы будете еще сажать в квартиру сотрудника?

– Мне нужно посоветоваться с начальством. Но этого сержанта больше не будет.

– Послушайте, Николай Иванович, давайте посмотрим в квартире.

– У меня дела, – отрезал Ладушкин.

– Ну пожалуйста, – жалобно заныла я. – Ну сами подумайте, когда еще моя мамочка переедет, когда перееду я, а детей придется привезти уже в ближайшее время, им нужны будут вещи, знакомая обстановка. А ваш сотрудник пусть приходит в любое время, пожалуйста!

– Пять минут, – кивнул Ладушкин. – Если не найдем через пять минут, уходим.

– Ну как это не найдем, – убеждала я его, – вы, такой хороший розыскник, и не найдете в квартире ключи?

– С чего ты взяла, что я хороший розыскник? – ухмыльнулся Ладушкин, обошел меня и стал подниматься.

– Но вы же сразу обнаружили несоответствие адреса на посылке с этим адресом. И потом, мне дедушка Пит говорил, что, когда он писал вам заявление о пропаже кота, вы были младшим лейтенантом, а сейчас вы старший лейтенант.

– Какого кота? – продолжая подниматься, поинтересовался Ладушкин.

– У Пита два года назад пропал кот, вы тогда, вероятно, работали в районном отделении милиции. Он пришел к вам с заявлением, а вы проявили такое равнодушие и халатность, что Пит запомнил вас, и теперь можете даже не пытаться его расспрашивать, он ни за что...

– Сумасшедший старик, который назвал кота как штурмбаннфюрера? – резко остановился Ладушкин.

– Почему вы все время стараетесь обвинить моего дедушку в сумасшествии?! Никакого имени фюрера там не было, кота звали...

– Хватит, – предостерегающе выставил палец Ладушкин. – Хватит с меня твоих бабушки и дедушки, всех тетей, дядей, их жен и мужей. А кота я вообще не вынесу!

– Заметили? Вы опять тычете в меня пальцем.

У дверей Ладушкин перебрал ключи от трех замков. Я ждала, пока он, чертыхаясь, определял их соответствие методом тыка. Так, чертыхаясь, он и вошел в квартиру, оставив мне широко распахнутую дверь.

– У нормальных людей запасные ключи висят в прихожей или лежат в легкодоступном месте в тумбочке, – пробурчал он, оглядывая прихожую.

Я посмотрела в раскрытую дверь маленькой спальни. Сначала распахнутая дверь балкона меня просто удивила, я же возвращалась в квартиру, чтобы ее закрыть, и закрыла!.. Я помню. И сразу же после удивления, проявившись вставшими дыбом волосками на теле, на меня накатило страх. Чтобы

не заорать, я зажала рот рукой и кивнула в сторону спальни. Раздосадованный Ладушкин, копающийся в тумбочке, оставил мой жест без внимания, тогда сильно, с выкрутом, я ущипнула его за ногу.

Он даже не пискнул. Я же говорила, что ему не зря дали звание. От такого щипка обычный мужчина должен заорать как резаный. Я проверяла. Два раза. В метро в час пик. Нет, ничего плохого, это была самооборона. А Ладушкин резко схватил мою руку, завернул за спину и с бешенством приблизил свое лицо к моему, вероятно, чтобы еще раз всмотреться в него повнимательней и отыскать явные признаки сумасшествия. И, кажется, ему не понравился цвет моего лица. Я думаю, оно стало очень белым, и тогда Ладушкин проявил профессиональную сообразительность и проследил взглядом, куда я показываю свободной рукой. Сначала он смотрел в спальню удивленно, потом заинтересованно, потом хватка ослабла, и я смогла потрясти освобожденной рукой.

Он решительно направился в спальню. Осмотрелся. Я пряталась у него за спиной, не забывая оглядываться. Ладушкин ничего подозрительного не обнаружил, вышел на балкон, посмотрел в сторону соседского балкона, и тогда я подумала, что преувеличиваю его розыскные способности. Потому что вся земля из ящика опять была вывалена на пол. А он только равнодушно переступил через сухие комки. Конечно, в то время, когда я загребала эту землю в ящик, он

был занят ремонтом замка, но это его совершенно не оправдывает!

Из спальни Ладушкин двинулся по квартире дальше, мне пришлось задержаться, потому что ноги мои в который раз за эти дни отказались двигаться и некоторое время ушло на уговоры и поглаживания по коленкам сначала правой, потом – левой ноги.

Кое-как добравшись до коридора, я увидела, что решительный Ладушкин уже осмотрел все комнаты и кухню и теперь, включив свет, заперся в туалете. Когда под шум спущенной воды он оттуда вышел и дернул за ручку дверь ванной, а та оказалась запертой, я не удивилась. Мне очень хотелось, чтобы инспектор, как в прошлый раз, достал свой пистолет, но вместо этого он сначала обозленно дергал ручку, а потом пошел за стамеской и гвоздодером. Входная дверь в квартиру все еще оставалась распахнутой, подать голос я не решилась и запряталась под длинный плащ Ханны на вешалке. Вцепившись в свою сумочку, чтобы как-то занять дрожавшие руки, я сделала себе маленькую щелочку, в которую инспектор был виден не весь, а только его нижняя часть. Он отжимал замок, что-то бурча, и наклонился, чтобы поддеть снизу дверь гвоздодером. Я увидела на какое-то мгновение его красное, возбужденно-злое лицо, и в этот момент дверь ванной распахнулась, вероятно, с большой силой, потому что Ладушкин отлетел в сторону, теперь я видела только одну его ногу в туфле. Потом появились еще две ноги в

мужских туфлях, потом рука, поднимающая с пола гвоздодер. Потом из ванной вышла женщина – короткая кожаная юбка, черные колготки, туфли на каблуках. Тут я не выдержала, ведь любому, даже самому страшному страху, бывает предел, и раздвинула щелочку пошире. Я испытала сначала щемящее чувство боли от невозможности помочь – это когда мужчина ударил Ладушкина гвоздодером по голове, а потом удивления – когда мужчина и женщина пробежали мимо меня к открытым дверям. Это была именно та самая парочка, которая спокойно поднялась мимо нас по лестнице, пока инспектор, усадив меня на подоконник в пролете между третьим и вторым этажом, читал нравоучения на тему невостробованных обмороков.

Когда Ладушкина выносили на носилках из квартиры, он показывал на меня пальцем и норовил что-то сказать своим сотрудникам, прибывшим по вызову.

– Значит, вы говорите, что не брали гвоздодер в руки? – спросил меня в четвертый раз один из сотрудников.

– Это не я ударила Ладушкина по голове. – С маниакальностью заевшей пластинки повторяя эту фразу уже в который раз, я устало думала, что отпечатков моих пальцев на гвоздодере хоть отбавляй.

– А вот мы снимем пальчики, тут есть хорошие!

– Это не я ударила Ладушкина по голове.

– Вот здесь записано с ваших слов, что инспектор Ладушкин дважды отжимал замок в ванной. Вы уверены, что два-

жды?

– Это не я...

– Как-то глупо получается, что какие-то посторонние, в количестве двух человек, вошли в квартиру и что? Заперлись в ванной!

– Они услышали, как мы открываем дверь, и спрятались.

– Зачем?

– Не знаю.

– Вы подумайте хорошенько, если инспектор позволил в отношении к вам навязчивые проявления неуважения или пристального внимания, скажем, повел себя с вашей точки зрения непредсказуемо... Ну?!

– Это не я ударила Ладушкина...

– Та-ак. Инга Викторовна, да?

– Да.

– Инга Викторовна, выложите все из карманов на стол. Хорошо. Теперь поднимите руки. Очень хорошо. А скажите, у вас бывают случаи внезапной агрессии, потери памяти или депрессионные срывы? Минуточку, не трогайте! Очень хорошо. Денисов, сфотографируй содержимое карманов Инги Викторовны на всякий случай и постой возле нее немного. Я задал ей вопрос, вероятно, слишком сложный по количеству слов и терминов. Когда Инга Викторовна его расшифрует, запиши ответ.

Ну вот, довел-таки до слез. Давно пора было зареветь и разбить что-нибудь. Так не хотелось делать это в присут-

ствии четверых незнакомых людей, к тому же мужского пола, но уже ничего не поделаешь. Довел. Получай! Под стол, да? Думаешь, спрятался? Сейчас получишь ответ на свой вопрос! Депрессионный срыв уже, считай, проявился в самом банальном реве, это ладно, а теперь получай показательный случай внезапной агрессии! Попала!! Так. Что там было на третье? Потеря памяти... В сериалах она обычно наступает после потери сознания. Здесь свалиться, на поле боя, или добрести до спальни, там ковер чистый?...

Три...

Лом приехал за мной в отделение милиции около шести вечера. Вид у него был страшно заинтригованный, потому что по телефону ему сказали, что я заработала пятнадцать суток, но, учитывая мое первое задержание и отсутствие алкоголя в крови, а также чистосердечное признание во всем, я могу отделаться крупным штрафом.

Лом расписался три раза в каких-то бумагах и подтвердил мою платежеспособность, для чего ему пришлось съездить ко мне домой, привезти оттуда три карточки трех разных банков и самому выбрать, на какой именно органы соизволят арестовать счет до решения суда. Как потом объяснил Лом, это избавило меня от описи имущества. Потом его попросили подписать еще стопку бумаг, не относящихся к моему делу, так, в виде помощи органам. Переложили эту стопку копирками, а когда Лому не захотелось ее подписывать, менты проявили большую заинтересованность к содержанию в его крови алкоголя и даже показали розыскной плакат, на котором разыскиваемый террорист был очень похож на Лома, если его выкрасить брюнетом.

– Как две капли воды, ты только подумай, Ахиня! – жаловался мне Лом в машине. – Этот террорист похож на меня, как родной брат! Что же теперь, и на улицу не выходить?!

Я расслабленно развалилась на заднем сиденье, обдумываю

вая особенности мужской психики. Ведь Лом не мог не заметить моих зареванных глаз, не говоря уже о синяке под правым. О вывихе плеча он, конечно, может и не догадываться, как и о ссадине под коленкой, но почему его совершенно не интересует моя разодранная блузка? Вернее, немецкое белье под ней, которое теперь одно на мне и выглядит прилично. Упиваясь собственным кратковременным испугом, он совершенно ослеп и потерял взаимосвязь с окружающим миром.

– Будем тут ночевать, у отделения сто семнадцать? – поинтересовалась я, когда он замолчал на несколько секунд и вместо непрерывного потока жалоб решил показать жестами, как возмущен и испуган.

– Я не могу вести машину, у меня руки дрожат.

Выставив перед собой руки, я обнаружила, кроме подживших царапин от попугая, три небольшие ссадины на суставах и пыль милицейского отделения, прилипшую к ним с моими слезами. Довольно грязные, но спокойные и решительные руки.

– Подвинься. – Бесцеремонно ткнув Лома в бок, я заставила его перелезть на соседнее сиденье и села за руль.

– Может, не надо, – засомневался он, – машина новая совсем, и тысячи километров не будет... – Тут он заметил мои руки на руле и осекся. – Что я все о себе, извини, у тебя руки в грязи и поцарапанные.

– Неужели?! – Я повернулась к Лому, чтобы ему было

удобнее рассмотреть мое лицо. Особенно скулу под правым глазом. Уже через три секунды я испытала чувство глубокого удовлетворения. Потому что Лому наконец стало очень стыдно и страшно за меня.

– Извини, – промычал он, стаскивая легкую куртку и набрасывая ее мне на плечи. – Я не заметил, совсем спятил. Подожди. – Он остановил мою руку, взявшуюся за ключи зажигания. – Подожди, посидим, расскажи все в двух словах.

– Моей тете Ханне и ее четвертому мужу кто-то отрезал головы. Инспектор, который ведет это дело, пошел проводить опрос соседей и пригласил меня в квартиру Ханны. А там оказались двое бандитов, которые заперлись в ванной, когда услышали, что дверь открывается. Нет, сначала там заперся дежурный сержант, он был в наушниках, лежал в пене и не слышал, как мы звоним. Поэтому Ладушкину пришлось отжать замок двери в ванную, он же не знал, кто там заперся и что вообще случилось. А потом, через полчаса, в этой ванной уже заперлись бандиты. Он стал второй раз отжимать замок, но расслабился, и один бандит – мужчина – свалил его ударом двери, а потом огрел по голове гвоздодером. Я в это время пряталась под плащом в коридоре. Когда бандиты удрали, я вызвала милицию. – Вдохнув полной грудью, я положила руки на руль и поверх них голову.

– А почему тогда ты привлекаешься по статье за хулиганство и нападение на представителей закона при исполнении? – осторожно поинтересовался Лом, выждав некоторое

время. – Мне сказали, что ты разбила голову одному стражу порядка и укусила другого.

– Потому что эти козлы стали говорить, что снимут отпечатки пальцев с гвоздодера! А на нем мои отпечатки, мои! – Я стукнула кулаком, сработал клаксон. – Потом этот, в которого я запустила вазой, подстрекал меня всяческими издевательскими вопросами про агрессию, депрессию и потерю памяти. Я им изобразила и агрессию, и депрессию, а когда стала падать в обморок перед потерей памяти, они набросились на меня и хотели надеть наручники. Вчетвером! Наручники они, конечно, надели... Но не сразу. Я оказала яростное сопротивление.

– Зачем?

Смотрю на Лома и вижу, что он ничего не понимает. Сочувствие и жалость в его глазах сменились озабоченностью состоянием моей психики.

– Ладно, ладно. – Он успокаивающе выставляет перед собой ладони. – Ахинея, я ничего не могу придумать, кроме того, что тебя надо срочно отвлечь. Это банально, но в твоей ситуации логичнее всего сильно напиться или сильно отвлечься. Что предпочитаешь?

Я задумалась.

– А можно сначала отвлечься, а потом, если не поможет, напиться?

– Запросто! – обрадовался Лом. – Ползи назад! Я поведу, потому что это – сюрприз.

Он сел за руль, а я устроилась сзади рядом с его видеокамерой.

Минут через сорок, убедившись, что мы выехали из Москвы и катим по загородному шоссе, я осмотрела ключья своей блузки и поинтересовалась, не стоит ли ради впечатляющей развлекаловки все-таки переодеться?

– Наплюй, – успокоил Лом. – Если будет неудобно, просто разденешься.

Как ни странно, эти слова меня совершенно успокоили, и я продремала еще минут двадцать. В любом другом состоянии я должна была бы сильно удивиться, обнаружив, что Лом привез меня за город в дом фермерши, которая сдает нам в аренду Мучачос. Я однажды забирала парочку с ее фермы и сразу узнала странной архитектуры дом с обложенным крупными камнями цоколем. Но в этот вечер я только флегматично поинтересовалась у Лома, не передумал ли он и не за черным ли кабанчиком мы приехали?

Нагрузив на себя видеокамеру и дорожную сумку, он повел меня к дому, поддерживая за талию.

– Какой, к черту, кабанчик! – возбужденно прошептал Лом мне в ухо, пока я брела, спотыкаясь, потому что мои бедные ноги отказывались участвовать в развлечении, хоть умри! – Лебеди!

– Лебеди?...

– Белые-белые лебеди прилетели!

– Куда?

– На пруд, – радостно кивнул Лом.

– Откуда ты знаешь?

– Она мне позвонила. Мы же договаривались, чтобы сразу звонила, когда прилетят, ты что, забыла?

– А... Спасибо, конечно, большое, но мне бы помыться...

– Это входит в развлечение, – заверил Лом.

Усадив меня на лавочке, Лом пошел договариваться с хозяйкой. Он выглянул на секунду из окна веранды:

– Ахинея, тут спрашивают, что ты будешь есть? Печенку или рыбу?

Я быстро зажала ладонью рот и на всякий случай, если в желудке еще что-то осталось после рвоты в отделении милиции, огляделась, куда можно эти остатки выплеснуть.

– Понятно, не волнуйся, – успокоил меня Лом и сообщил хозяйке: – После бани!

Вышла женщина, и я не сразу узнала ее в вечерних сумерках. Остановилась рядом, присела, рассмотрела меня, покачала головой, поцокала языком.

– А можно без бани? – На меня вдруг накатила жуткая усталость и тошнота. Не надо было Лому говорить про печенку и рыбу. – Можно я здесь полежу? У вас найдется одеяло?

Ничего не ответив, она ушла в дом и сразу вернулась с теплым халатом под мышкой и веником. Прошла мимо. Я пожалла плечами. Тут по ступенькам спустился огромный мужчина, ни слова не говоря, наклонился, просунул руку под мои

коленки и легко подбросил меня вверх. Самое смешное, что он нес меня не как Ладушкин недавно – двумя руками и в положении лежа. Нет, он посадил меня на сгиб руки, как сажают маленьких девочек, и мне осталось только обхватить его за шею и рассмотреть лицо вблизи. Возле деревянной бани, чтобы пройти со мной в двери, он перебросил мое тело под мышку, так что я повисла вниз головой, а руками от неожиданности ухватила его за холщовые брюки у щиколоток.

– Клади на лавку, сынок, – приказала невидимая мне из другого помещения женщина. – Я сейчас ее раздену. Приходи забрать через часок.

В лицо пахнул свежий запах горячих трав и старого мокрого дерева.

В соседнем помещении стоял нестерпимый жар. Я рванула было обратно, но хозяйка подтолкнула меня сзади и кивнула на третью ступеньку-полку.

– Ложись, не пожалеешь!

Стараясь осторожно дышать, я легла, с опаской глядя на два веника в ее руках.

– Что же творится с нашими органами, а? – С этими словами голая женщина от души отходила меня несколько раз по спине.

– Ай!

– Вот именно – ай! – Теперь она просто гнала воздух, не прикасаясь ко мне. Я закрыла рот и нос ладонями. – С девочками воют, кобели поганые!

– Ай!

– Что ж это за милиция, которая бьет девочку в лицо! А? Что? Что, я тебя спрашиваю?!

– Ай-я-яй!

Лучше бы она не спрашивала, потому что каждый сердитый вопрос подкрепляла хлестким ударом по моей спине. Минут через десять я потеряла всякую способность кричать и думать. Расслабившись, можно было представить некий вариант одновременного ада и рая, мокрой жгучей пустыни. Или заблудившийся караван, влажную ночь, выжигающую огнем дыхание, но это если тебя не окатывают попеременно то холодной, то горячей водой.

– Поворачивайся.

Я осторожно переворачиваюсь на спину и вижу над собой близкий – рукой дотянуться – потолок темного дерева и пучок травы, свисающий с него. Теперь мне видны и камни, похожие на крупные морские гольши, лежащие на раскаленной решетке каменки внизу. Хозяйка выплескивает на них воду из ковшика, радостно потрясает вениками в накатывающем густом пару:

– Ну, режиссерка, сиськи-то прикрой, ошпарю! – и начинает этими вениками охаживать меня, едва успевшую отвернуть лицо и закрыть грудь ладонями.

Сквозь плотную пелену бесчувствия я потом слышу, будто на большом отдалении, ее раздумья вслух:

– Пожалуй, в пруд не понесем. Совсем размякла. Пусть

поспит полчасака.

Меня не радует и не огорчает, что в пруд не понесут. Я наполовину умерла, слышать еще что-то могу, но глаз не открыть.

Вероятно, полчасака прошли, потому что на меня накинули халат, завернули в него как в кокон, взяли опять вниз головой под мышку и вынесли на улицу, из чего я сделала вывод, что это тот же мужчина, который и принес меня в баню. И вот уже в приоткрытые глаза накатом из ночи, подсвеченные ярким фонарем у дома, приближаются соцветия пижмы – отвернуть лицо – и палочки семян подорожника. А позднюю полевую гвоздичку я даже успеваю сорвать на ходу рукой, отпустив на секунду уже знакомые штаны у щиколотки, пока ее не раздавили чудовищного размера стоптанные сандалии.

Меня сбросили на кровать, которая под толстой периной имела, вероятно, достаточно прогнувшуюся металлическую сетку. И сетка эта добросовестно качалась подо мной, убаюкивая, пока я не перестала совсем ощущать тело, в легких покачиваниях невидимой лодки на невидимой реке, хотя оно и истекало жаром, но с мокрых волос уходило в подушку остатки обидевшего меня дня.

– Ахинея, вставай. Ты не поверишь, уже совсем светло, а над водой – туман, как на сцене, когда переборщат с газом!

– ...

– Если я тебя не подниму, ты обидишься насмерть и за-

грызешь меня своими ехидными нападками!

– Отстань...

– Не отстану. Тумана осталось минут на тридцать, ты себе не простишь!

– Иди сам в этот туман и снимай что хочешь... Я сплю.

– Нет уж, тогда и я не пойду. Зачем? Чтобы потом выслушивать твои ругательства, что не там стал да не то снял?!

– Ладно. – Я сажусь в постели, не открывая глаз, и запахиваю на груди толстый халат.

– Молодец, – хвалит Лом. – Глаза можешь не открывать, только ноги подними.

Валюсь на спину, выставив ноги.

– По очереди! Молодец, теперь пошли, глаза откроешь, когда скажу.

Глаза приходится открыть сразу, чтобы понять, что у меня надето на ноги. Отлично. Высокие охотничьи болотные сапоги. Судя по размеру, их хозяин и носит те самые сандалии. Подхватив полы халата повыше, с трудом передвигая ногами, кое-как добрела до крыльца, потом решила выяснить, что я вообще делаю в этих сапогах с голенищами выше колен.

– Зачем мне это?

– Роса, – улыбается Лом, направляя на меня видеокамеру.

– Ты хочешь сказать, что надел на меня это... – пытаюсь поднять ногу повыше, но начинаю терять равновесие, – чтобы я не замочила ноги в росе?!

– Ну да. Видишь, я забочусь о тебе. И у пруда есть заболоченные места.

Тащусь за Ломом к пруду. Утро тихое, но теплым его нельзя назвать. Сапоги сразу намокли снаружи почти до колен, поэтому желания снять их у меня больше не возникло. Над водой действительно стоит густой молочный туман, кое-где уже разорванный рассветом в клочья. Мы останавливаемся у кустарника, Лом предлагает затихнуть и постоять минут пять. Я озираюсь и начинаю потихоньку дрожать.

– Чего ждем? – спрашиваю шепотом.

– Туман начнет сходить, и проявятся птицы, этого мы и ждем. Тут снимать-то минут на десять, когда туман уйдет, они сразу улетят, – шепчет в ответ Лом.

Я слышу недалеко всплески и странные гортанные звуки.

– Это они, – радуется Лом, приготовившись, – это лебеди, они так мурлычут!

Я поеживаюсь и думаю, сохранит ли перина тепло еще с полчаса? В кустах крикнула птица, пока я ее высматривала, прорывы в тумане стали больше. И вдруг я застыла на вздохе: совсем рядом, метрах в шести, прямо на меня скользил, как по воздуху, потому что воды не было видно, лебедь, белый странной теплой белизной, и рядом с ним обрывки тумана стали казаться темно-серыми клочьями заблудившегося дождя.

– Ты!.. – выдохнула я, и лебедь вскинул голову, развернул ее ко мне, потряс шеей, и дрожь с нее передалась дальше, к

крыльям. Сначала крылья дрогнули, потом распрямились и первыми взмахами коснулись поверхности воды. Чудилось, лебедь разгоняет туман, чтобы им могли любоваться без помех. Он вытянул шею, замахал крыльями резче и крикнул неприятным резким криком. На крик тут же отозвались другие птицы, проявляющиеся изогнутыми шеями то тут, то там в уползающем тумане.

– Обойди кусты. – Я показала Лому рукой. – Там открыт проход в воду.

И пошла в пруд. Лебедей на воде было шесть. Две парочки и два лебедя отдельно. Одиночка рядом со мной поплыл быстрее, но удирать не собирался. Мне показалось, что он стережет любовное томление и ласки парочки неподалеку – лебеди переплетались шеями и «мурлыкали», как сказал Лом. Я увидела, что он уже вошел в воду выше колен, хотела крикнуть, предупредить (в прошлом году Лом в запале так же вошел в озеро, оступись и ушел под воду с камерой), но не стала, потому что человеческие крики и лебеди в тумане – вещи несовместимые. Снять что-то не так в этой шикарной перспективе было просто невозможно. Туман быстро уходил, вот другой одинокий лебедь размахнулся крыльями и «побежал» по воде, словно догоняя разорванную вуаль серой мороси, вошел в клочок тумана головой, потом – шейей, потом – резкие взмахи крыльев разбили ночное мокрое колдовство. Голова и шея вернулись, ярче проявились красные листья кустарников и подсвеченные первыми пробившими-

ся лучами солнца закрывшиеся кувшинки на воде.

Я застыла, забыв дышать. Я подумала, что даже если Лом и не снял сражение лебедей с последним обрывком тумана, то и ладно. Потому что это не забывается. Это – во мне и упрянтано надежнее, чем память о чем-либо ином, потому что это – восторг.

Мимо кто-то прошлепал, едва не задев мое плечо. Появление, да еще громкое, чужого человека в такой момент можно сравнить лишь с тем, что тебя окатил из лужи проезжающий автомобиль, пока ты восхищалась расцветшей на клумбе анютиной глазкой.

Я уже открыла рот, чтобы остановить нахала, спокойно шлепавшего по воде, но тут заметила, что он абсолютно голый. Мужская мускулистая спина и вполне гармонирующие с нею ягодички выражали полное спокойствие и равнодушие к моему возмущению. Когда вода закрыла его ноги, он нырнул, и я увидела мелькнувшие среди водорослей пятки. Лом тоже заметил гостя (или хозяина!) и приготовился снимать то место на воде, где он, по предположению Лома, должен был выплыть. Я представила, конечно, как он выскочит из воды и распугает лебедей, но такого шоу не ожидала. Прошло не меньше минуты, прежде чем голова мужчины появилась очень близко возле одной из пар. Он подгонял убежавших по воде птиц накатами метких брызг из-под напряженной ладони. Потом опять нырнул, вынырнул под другой всполошившейся парой и попрыгал там между ними, разма-

живая руками в тщетной попытке взлететь.

– Не смей! – закричала я и хотела затопать ногами, но обнаружила, что великанские сапоги ушли в ил и не двигаются с места.

Потом я успокоилась, потому что мне показалось, что лебеди его не боятся. Вот первая потревоженная пара села на другом конце пруда, громкими криками выражая свое возмущение или радость от встречи. Подражая им, и Лом не выдержал и издал странный резкий звук, от которого все – и лебеди и мужчина – устали в нашу сторону.

Одинокого лебедя мужчина под водой поймал за лапы и вынырнул рядом со мной, держа над головой птицу, размахивающую огромными крыльями. И я вдруг испугалась, что лебедь поднимет его в небо, потому что он показался из воды почти по пояс, и даже ниже пояса. Но вот лапы отпущены, мужчина валится на спину, разбивая поверхность пруда, а потревоженный лебедь, сделав круг, садится в то же место, и колотит по разбегающимся кругам крыльями, и кричит...

Мы с Ломом смотрим друг на друга, и по безумному выражению лица другого каждый из нас понимает, насколько безумно собственное лицо. Я молча показываю ему большой палец и начинаю раскачивать засосавшийся в ил один сапог, потом другой. Отойдя от пруда метров на сто, обнаруживаем, что нас колотит до невозможности говорить – зубы выбивают дробь, – поэтому до самого дома мы идем молча и очень быстро (насколько это мне по силам в великанских сапогах

и Лому в мокрых кроссовках, под отяжелевшими джинсами, истекающими водой).

– Сняли? – интересуется хозяйка, пока Лом без стеснения стаскивает джинсы в коридоре, а я – сидя на полу – сапоги.

После второй чашки чаю и бутербродов с холодной индюшатиной, нежно-розовой и такой мягкой, что ее можно намазывать на хлеб, Лом пожаловался хозяйке, что на ее пруд ходит «какой-то придурок, который в такую погоду купается голым».

– Да ничего, вода теплая еще. Август стоял какой хороший, – успокаивает его хозяйка, а я застываю с чашкой у рта, потому что этот самый «придурок» заходит в кухню, уже одетый, по-хозяйски усаживается за стол и наливает себе чай. Я сразу узнала это лицо, я его хорошо рассмотрела в пруду. Зачесанные назад белые с серым отливом волосы у него, естественно, мокрые, и глаза цвета холодной осенней воды странно гармонируют с цветом волос и обветренными красными скулами. Ему не больше тридцати. Тут меня вдруг посетила одна догадка, и для ее подтверждения пришлось заглянуть под стол. Точно. Те самые холщовые брюки и огромные сандалии. Заинтересованный Лом тоже заглядывает под стол. Я показываю ему язык, выпрямляюсь и делаю попытку вести светскую беседу.

– Простите, – говорю я самым приветливым тоном, – что мы помешали вашему утреннему купанию.

Детинушка, равномерно двигая челюстями, бесстрастно

смотрит в мое лицо и никак не реагирует.

– Как водичка? – интересуется Лом. – Теплая?

На тыльной стороне ладоней мужчины следы от укусов или глубоких царапин. Он проследил за моим взглядом и посмотрел на мои руки. Спокойно взял одну, с поджившими позапозавчерашними царапинами и новыми, милицейскими, рассмотрел, усмехнулся, положил обратно.

– Это попугай, – объясняю я. – Соседский. А у вас – от лебедей? Они сильно щиплются?

Никакой реакции.

– Мой сын Богдан, – говорит хозяйка, и я замечаю, что глаза ее стали ласковыми и такого же, светло-серого с прозеленью, цвета. – Он немой. – Она подумала, посмотрела на сына и добавила неуверенно: – И, наверное, глухой... Я тут кофточку свою приготовила, может, не побрезгуете. Ваша-то совсем разодрана.

Хозяйка сидит на крыльце и курит. Я сижу рядом, закутавшись в телогрейку, и пью клюквенную настойку. Недалеко от сарая у небольшой копны сена парочка Мучачос наслаждается друг другом, то отпрыгивая в стороны с прижатыми ушами и вздыбленными загривками, то, сцепившись в один комок, катится воющим смерчем. В коротких перерывах между военными схватками они судорожно совокупляются, совсем как люди: кошка лежит на спине, расставив задние лапы и вцепившись в спину нависшего над ней кота растопыренными передними.

Лом ковыряется в машине, и по унылому отчаянию на его лице я понимаю, что сидеть мне на крыльце еще долго. Покосившись на бутылку, успокаиваюсь. Часа на полтора медленного потребления хватит, а там я впаду в то самое состояние вынужденного алкогольного отключения, которое Лом обещал мне вчера. Честно говоря, мне вполне хватило и утреннего лебединого шоу, но машина не заводится, собирается дождь, я только что исхитрилась съесть два яйца всмятку с засунутыми в яркий горячий желток кусочками сливочного масла, выпила кофе со сливками, которые пришлось соскребать с ложки кусками, и теперь накачиваюсь вкуснейшей настойкой (хозяйка гордо сообщила, что в ней градусов сорок, не меньше!). Двери ближайшего сарая открыты, оттуда из стойла выглядывает морда молодого бычка, он некоторое время наблюдает за Мучачос, потом за раздраженным Ломом и осуждающе трясет головой.

– Вы что-нибудь серьезное снимаете, – интересуется хозяйка, докурив, – или только брачные игры животных?

– Рекламные ролики, пилоты для начинающих фотомоделей, роды на память, экстремальные развлечения некоторых богачей – на случай, если развлечение окажется последним. Эти обычно перед затяжным прыжком с парашютом сразу после тридцатиминутного инструктажа говорят в камеру что-то значительное, как бы для потомства и на память родственникам.

– Что говорят? – заинтересовалась фермерша.

– Последний раз один директор банка сказал в камеру своему годовалому сыну: «Сынок, отвечай за себя, не будь козлом и прыгни хоть раз в Ниагару».

– Почему именно туда? – без энтузиазма интересуется женщина, зевая.

– Он объяснял, я уже не помню. У него не получилось. То ли проблемы с визой были, то ли не сдал инструктаж.

– Доить умеешь? – вдруг спрашивает хозяйка невпопад.

Я задумываюсь. Пожимаю плечами.

– Корова рождает совсем как женщина, – продолжает она, нагоняя на меня беспокойство. – Роды – это красиво, это природа. Я жду: со дня на день корова должна отелиться. Перехаживает. И телится не вовремя. Капризная она, норовистая. Не покрылась в свое время, пришлось зоолога вызывать два раза, вот теперь – ни туда ни сюда: теленок к зиме. Тебя это интересует?

– Теленок?

– Нет. Как корова телится.

Я пытаюсь понять, почему меня должен интересовать... как это? Отел? Должна же быть причина, по которой мне предлагают это великолепное зрелище. В бутылке осталась половина чудесной жидкости темно-красного цвета, почему нельзя просто посидеть и помолчать?...

– Понимаете, – еле ворочая языком, я пытаюсь поддержать беседу, – снимает в основном оператор. – Тут я чересчур активно кивнула в сторону злого Лома у машины и едва

не свалилась со ступеньки вниз. – Я координирую, говорю, что делать, нахожу клиентов. А снимает – он. Сначала одевание, потом торжественную загрузку в самолет, а потом Лом висит на парашюте и должен угадать, куда приземлится раскрывшийся или не раскрывшийся парашют отчаянного экстремала, и снять это на камеру. Он, конечно, не один висит, он висит в тандеме с оплаченным для этого случая инструктором, но с инструкторами есть проблема. Лом тяжелый, понимаете? К чему я это говорю... А, насчет отела коровы. Поскольку никакой особой режиссуры тут не потребуется и корова не будет говорить ничего значительного перед отелом, оператор справится сам, вот у него и нужно спросить, хочет он или нет снять такое потрясающее событие, как появление на свет теленка.

– Двух, – бесстрастно уточняет хозяйка.

– Двух?

– Да. У коровы – двойня. Трудные роды могут быть.

– И даже трудные роды. Я на сегодня, пожалуй, воздержусь от подобных зрелищ, спасибо вам большое, вы меня просто выручили, лебедей вполне достаточно, спасибо. Не знаю, что бы я делала и как бы вообще отмылась от неприятностей, если бы не ваша баня. Я так вам благодарна и с удовольствием заплачу за беспокойство, отличную еду...

– Да ладно. – Фермерша прерывает мои излияния шлепком ладони по спине, отчего я опять с трудом удерживаюсь на ступеньке. – Вообще-то у меня был умысел. – Она много-

значительно кивает и почему-то решительно отбирает у меня бутылку.

– У...умысел?

– Ну да. Я хотела тебе предложить погостить пару дней, но не знала, как заинтересовать. Ничего делать не надо, не хочешь снимать – не снимай! Валяйся, ешь, пей, могу тебя в бане парить по два раза в день, хотя это, наверное, вредно для здоровья. Сына моего видела?

Я киваю и закрываю глаза, чтобы ее лицо перестало двоиться.

– Ему давно пора понять, что есть на свете женщины. Если попроще, то он должен ощутить запах женщины, понимаешь?

– Нет, – отвечаю честно и на всякий случай незаметно нюхаю прядку волос, щекотавшую мне ухо.

– Ему придется понять, что со мной всю жизнь не проживешь, что на свете есть женщины, которые могут родить детей, есть еще кто-то, кроме матери. Он должен общаться, видеть побольше людей, слышать запах женщины, ему пора уже. А ты как раз ничего – образованная, но понятливая, тихая и животных любишь. И потом, ты... как бы это сказать... Ты требуешь заботы, понимаешь?

– Нет.

– Он очень сильный и себе на уме. Его самоуверенная женщина с большими запросами не примет. Только спугнет. Нужна такая убогенькая, за которой придется ухаживать.

вать, носить на руках, ну ты понимаешь?

– Нет.

– Переборщила ты с настойкой, вон у тебя тела мало, а выпила полбутылки, – объясняет хозяйка мою тупость.

– Минуточку, – я решила сопротивляться, – почему вы думаете, что я убогенькая? Зачем это за мной ухаживать?

Женщина рядом несколько долгих минут вглядывается в мое лицо, а я изо всех сил пытаюсь изобразить на этом лице уверенность и гордую независимость. Правда, мешает вдруг накотившая икота.

– Кто знает, – качает фермерша головой, – кто вас, сегодняшних молодых, поймет. Может, это у тебя наигрыш такой, а пусть даже и наигрыш, пусть даже ты внутри сильная, но ведешь-то себя как правильно! Это ж надо, у меня слезу вышибла! Так что, останешься? У меня есть черносмородиновое вино, терпкое и крепкое. Рыбу в коптильню загрузим, а вон там, видишь? – Она кивает на хлев с телятником. – Же-ребеночка сын прикупил, отказного, за бесценюк, сам выходил! Ох и красавец!

– Же-ре-бе-нок? – Я катаю это слово во рту, как карамель.

– Ну?!

– Спасибо большое, я правда не могу, моей тете и ее четвертому мужу кто-то отрезал головы, понимаете? И бабушка почему-то на семейном совете намекнула, что воспитанием оставшихся у них детей должна заняться именно я. Главное сейчас, – я цепляюсь за подол юбки вставшей женщины, –

выяснить, всерьез она это сказала или в шутку. Если всерьез, ну что ж... Я клянусь, я приеду к вам через месяц пообщаться с вашим сыном, обязательно приеду. Хотя, – тут я задумалась, но юбку не выпустила, – хотя я никогда не общалась с немymi, но мы что-нибудь придумаем, а если вы так озабочены его социальными контактами, знаете что?! Я приеду к вам с этими детьми, пусть он сразу почувствует и запах женщины, и запах двоих детей, а?

– Странный вы народ, городские, – качает головой фермерша, освобождая свою юбку. – Все суетитесь, дергаетесь, придумываете черт-те что! Не пойму, чего вам в жизни надо? Богдан! – крикнула она вдруг, а когда из дома вышел сын, покачала головой из стороны в сторону и сказала одно слово: – Уезжают.

Сын подошел к машине, плечом отодвинул уже озверевшего Лома, закрыл капот и приподнял перед машины вверх одной рукой. Поковырявшись другой рукой где-то внизу, поставил передние колеса на землю, сел за руль и завел двигатель.

Он ехал за нами по проселочной дороге на старой «Ниве» до асфальта, потом просигналил, прощаясь, два раза.

– Видела? – отдышался Лом. – Чего-то там ковырнул – и поехали! Может, он на тебя глаз положил и покопался после купания в моей машине?

– Все очень подозрительно. – Я поддержала Лома. – Он глухой, а на зов выходит из дома. Купается в сентябре и ло-

вит за лапы лебедей. И мамочка его, скажу тебе, странная женщина.

– Да? А с ней что?

Я задумываюсь.

– Придает большое значение запахам. Скажи, Лом, я выгляжу убогенькой? Несчастной, требующей заботы и внимания плаксой?

Лом смотрит на меня в зеркало.

– Могу сказать одно, – решается он. – Ты выглядишь в этой рваной телогрейке и с фингалом под глазом настоящей бомжихой. А поскольку последнее время по теме и без темы говоришь о покойниках с отрезанными головами, и даже посторонним людям, я бы сказал, что ты требуешь, может быть, не столько заботы, сколько диагноза.

Когда я наслаждалась лебединым рассветом, моя бабушка заняла очередь к начальнику следственного отдела района и высидела ее – с шести десяти до девяти сорока пяти. В своем молчаливом упорстве она гордо восседала сначала на улице, на ступеньках, подложив под себя вырезанную от посылки картонку, а потом – в приемной, нагоняя на секретаршу начальника следственного отдела беспокойство и раздражение.

Бабушка была одета в выходное свое пальто – нежно-персикового цвета, с рыжей опушкой из меха лисицы по низу широких рукавов. Ее узкие остроносые ботинки на каблучках с высокой шнуровкой, небольшая шляпка и прозрачный длинный шифоновый шарф в черно-вишневых тонах (под

цвет темно-красных перчаток) привлекали внимание всех вновь пришедших к главному следователю нервных посетителей, успокаивая их, по крайней мере, минут на пять-шесть. Столько времени и надо было, чтобы в довершение к вышеперечисленному рассмотреть еще старинный ридикюль бордового цвета с позолоченной цепочкой и восемь массивных перстней, надетых на пальцы поверх перчаток.

Самые дотошные оставляли напоследок разглядывание бабушкиных очков в тонкой золотой оправе, но на это решались не все, потому что за стеклами очков их поджидали решительные насмешливые глаза, а решительный взгляд бабушки, да еще с оттенком насмешки, выдержит не каждый, особенно мужчина. Картонка с какими-то надписями была явно не к месту, но бабушка относилась к ней бережно, следя, чтобы уж совсем обалдевшие и любопытные граждане не могли прочесть надписи.

Войдя в кабинет, бабушка степенно осмотрелась. Поначалу ее внимание привлекли графики роста раскрываемости преступности, и она, подойдя поближе, стала изучать ежемесячные кривые под стеклом на стене. Что-то дописывающий начальник следственного отдела, не обнаружив посетителя на стуле напротив себя, огляделся и задержался взглядом на высокой седой женщине в оранжево-красном, считающей показатели с графиков.

– Прошу.

– Минуточку, – строго проронила бабушка. – В прошлом

месяце у вас процент раскрытых преступлений по особо тяжким был ниже, чем в позапрошлом. А по изнасилованиям выше. Можете объяснить это психологически?

Справившись с накотившим беспокойством, начальник рассмотрел бабушку повнимательней, прикинул, что на проверяющую из генеральной прокуратуры она не похожа, достал пачку сигарет и закурил, приготовившись к настойчивости умственно потревоженной общественницы или ищущей справедливости родственницы какого-нибудь правонарушителя.

– Это только дело случая, – ответил он между первой и второй затяжками. – Самих преступлений бывает разное количество. Весной и, как ни странно, осенью количество изнасилований увеличивается.

– Что вы говорите?... – Бабушка заинтересовалась, присела к столу, осторожно приладив картонку на полу у стула. – Весной – это понятно, обострение рецепторов осязаемости...

– Да каких там рецепторов, – отмахнулся начальник. – Теплеет, и девчонки ноги и шеи открывают до пупка, вот вам и объяснение.

– Позвольте, а что же происходит осенью?

– А осенью озабоченные мужики бесятся в предчувствии пяти месяцев закрытых ног. Это чисто по психологии, если не брать в расчет маньяков. У них другая психология, вне времен года.

– Потрясающе!.. – Бабушка с искренним восторгом уставилась на мужчину напротив.

Начальник под ее взглядом медленно затушил сигарету, поправил галстук, пригладил остатки волос, постарался втянуть живот, а когда этого не получилось, положил локти на стол, подавшись к ней, закрыв тем самым нижнюю объемную часть тела.

– Оставьте заявление у секретаря. – Он нацелился ручкой в календарь. – Скажите вашу фамилию, вам перезвонят. Я возьму ваше дело на контроль.

– Благодарю, я бы никогда не позволила себе беспокоить столь важного начальника. – Бабушка сняла очки. Щелкнули складываемые дужки и стукнулись о перстни. – Но дело совершенно не терпит отлагательства. Понимаете, у меня через три дня кончаются скидки в похоронном бюро «Костик и Харон». Двадцать процентов от двенадцати тысяч восьмисот рублей – это, знаете ли, для пенсионерки большие деньги.

– Двадцать процентов? – заинтересовался еще ничего не понимающий главный следователь и машинально достал калькулятор. – От двенадцати восьмисот это две тысячи пятьсот шестьдесят рублей. А что стоит почти тринадцать тысяч?

– Минимальная сумма на похороны.

– И чем я могу помочь?

– Если вы разрешите похоронить моих близких в течение этих пяти дней, то я смогу воспользоваться скидкой, а

если нет – это будет для меня очень огорчительно, уверяю вас, очень. Вы совершенно верно посчитали, это две тысячи пятьсот...

– Минуточку, я не понял, у вас скидки в похоронном бюро?

– «Костик и Харон», – кивнула бабушка. – Понимаете, пенсионерам приходится как-то выкручиваться, вот мы с друзьями и договорились пользоваться услугами одной конторы для похорон близких. Если вы обращаетесь туда вторично, в течение полугода после первых похорон, то имеете скидку в ноль целых семьдесят пять сотых процента с тела. Если после вторых похорон обращаетесь опять в течение полугода, имеете скидку уже в один процент, и так далее.

– Очень интересно, – бормочет начальник, пытаюсь вычислить, сколько покойников нужно обслужить в одном похоронном бюро, чтобы накапала скидка в двадцать процентов.

– Если вы попробуете высчитать все точно, у вас получится восемь с половиной покойников в течение трех-четырех лет, – небрежно замечает бабушка.

– Действительно, восемь... с половиной, – не верит глазам начальник.

– Это, конечно, не совсем верно. Дело в том, что после шестого покойника, которого, как вы помните, нужно было похоронить не позже чем через полгода после пятого, фирма увеличила нам процент скидки эксклюзивно.

Начальник следственного отдела, тучный подполковник сорока шести лет, вдруг почувствовал, что у него шевелятся на голове волосы, а сам он при этом ощущает смутное и необъяснимое беспокойство, и возбуждение одновременно. Он тут же решил не смотреть в глаза странной даме и не давать ей много говорить. Именно низкий завораживающий тембр голоса, как ему показалось, окутывал его голову туманом, пугая и беспокоя.

– Извините, на сегодня у меня много дел, поэтому...

– Я пришла специально пораньше, я подумала, что часов до десяти – десяти тридцати вы, может быть, и примете посетителей, а потом – срочные дела, заседания...

– Все точно, мне уже пора. Если я правильно понял, вы хотите захоронить тела... Тела... – задумался подполковник, – ваших близких, которые в данный момент находятся в морге следственного изолятора до выяснения особых обстоятельств, так?

– Так, но все эти особые обстоятельства...

– Жертвы насилия? – перебил бабушку начальник.

– Да. Мою дочь с мужем убили.

– Кто ведет дело?

– Инспектор Ладушкин должен был...

– А, вспомнил. Это дело у меня на контроле. Два неопознанных трупа в салоне автомобиля.

– Ничего подобного! – возмутилась бабушка. – Тела опознаны тремя близкими родственниками, о чем есть соответ-

ствующие документы!

– А вы?...

– Изольда Францевна Грэмс, мать убитой Ханны Латовой. Мужчина – мой зять.

– То есть вы узнали зятя по приметам на теле? – Следователь решил и осторожно взглянул на бабушку.

– Шрам после аппендицита, определенное расположение волосяного покрова на груди и две серебряные пломбы с застойных времен – верхняя левая шестерка и нижняя левая семерка.

– По шраму и по зубам, – задумался подполковник, – и что, никаких сомнений?

– Абсолютно. Латов часто валялся на даче в гамаке в одних плавках. А после женитьбы на моей дочери Ханне он стал к месту и не к месту громко и радостно смеяться. Так, знаете, от души, широко открыв в упоении рот.

– И все-таки опознать дочь – это одно, а вот зятя...

– Сомневаетесь? – Бабушка опустила глаза и достала кружевной платочек, слегка сдобренный духами из флакона с выгравированной буквой F. Стало ей стыдно или нет за нечаянный эксперимент с опознанием пломб на зубах отсутствующей головы Латова, она не сознается никогда. Чтобы простить самой себе нечаянный экспромт, устроенный исключительно для определения степени «готовности» подполковника, бабушка выждет полторы минуты (для особо одаренных умом и сообразительностью мужчин этот тест обычно

длится две – две с половиной), вздохнет и грустно заметит: – Знаете, я так и думала, что в отношении мужчины у вас будут сомнения. Что ж, он не стал мне ни сыном, ни любовником, вы вправе сомневаться.

– Я...

– В таком случае не будем больше тратить ваше время. Дайте мне разрешение на захоронение дочери, а Латова пусть еще кто-нибудь опознает, например его первая жена, но тогда пусть она его и похоронит, потому что через пять дней у меня кончается...

– Первая жена Латова, – перебил бабушку подполковник, раскрыв какую-то папку, – опознала своего мужа и написала заявление, что после развода не имеет ни перед Латовым, ни перед его останками никаких материальных обязательств.

– Вот видите.

– Есть еще одна сложность. Инспектора, который вел это дело, ударила по голове инструментом одна нервная дамочка, я еще не знаю всех подробностей, ее задержали.

– Инструментом? – подалась к нему бабушка.

– Ну да, то ли молотком, то ли...

– Это была не скрипка?

– Нет, я точно знаю, что это был совсем другой инструмент, строительный или хозяйственный. А почему вы так обеспокоились?

– Понимаете, – понизила голос бабушка, – в тысяча семьсот сорок четвертом году моя дальняя родственница по жен-

ской линии забила насмерть своего любовника, догадываетесь чем?

– Не-е-ет...

– Скрипкой! Да-да, совершенно верно, скрипкой! А надо вам сказать, что музыкальные инструменты в те времена, как, впрочем, и сейчас, не являлись оружием воинов, поэтому моя прапрапра... и так далее бабушка была проклята до шестого поколения. Она же была воином, вот в чем все дело! А воспользовалась инструментом хранительницы очага.

– Ничего не понимаю... Что вы от меня хотите? – схватившись за виски, поинтересовался подполковник.

– Подождите, я объясню. Она могла его зарезать, задушить руками, заколоть копьем, проткнуть деревянным колом, отравить, поджечь факелом, а на сегодняшний день добавьте еще варианты с огнестрельным оружием. Она могла сломать ему шею, зажав меж бедер в любовной игре, это было бы нормально! Подпишите, пожалуйста, бумагу, что вы разрешаете захоронение хотя бы моей дочери. Так вот, на чем я остановилась?... Да, в конце концов, она могла бы удавить его струной от скрипки! Но не бить самим инструментом, потому что скрипки, клавесины, дудочки и флейты, кастрюли, половники, весла, скалки, кочерги, швейные иглы, вязальные спицы и что там еще... Это все – только для использования хранительницами очага!

– Вы можете похоронить их обоих! – закричал начальник следственного отдела, обороняясь судорожным росчер-

ком ручки на бланке. И так вдавил после этого кнопку вызова секретаря, что бабушке, благодарившей его за помощь, пришлось этот палец оттаскивать силой, пока вбежавшая девушка в форме младшего сержанта, стуча стеклом, наливала из графина воду в стакан.

– Вы забыли это! – догнала бабушку младший сержант милиции в коридоре.

Бабушка посмотрела на картонку. Прочла адрес на ней – крупный размашистый почерк.

– Спасибо, – она улыбнулась, – но мне совершенно некогда этим заниматься...

Пройдя по коридорам, бабушка забрела в туалет и внимательно осмотрела высокий металлический шкаф с инструментами уборщицы. Заглянула за этот шкаф. Между задней стенкой шкафа и облупившейся краской на стене свил сиротливую тонкую паутинку ни на что не надеющийся в таком заведении крошечный паучок.

Дома меня ждала повестка, а на автоответчике – голос бабушки с явными признаками иссякающего терпения. Повестка была на завтра, а бабушка требовала моего немедленного присутствия. Поэтому, оглядев себя напоследок в зеркале и скорчив самой себе несколько решительных и угрожающих мин, более всего подходящих к рваной телогрейке и синяку под глазом, я рассталась с телогрейкой и кофточкой доброй фермерши, чтобы заняться наложением на лицо

грима, и так увлеклась, что бабушка, издалека увидев меня, входящую в калитку, охнула и бросила копалку прямо в розовый куст.

– Это у тебя нервное? – поинтересовалась она, стащив перчатки и ухватив меня за плечи, чтобы рассмотреть мое лицо поближе.

– Сейчас так модно.

– Вот такие круги вокруг глаз желтого и синего цвета? – с сомнением покачала она головой. – Фиолетовая помада и столько пудры?

– Да. Это последний писк. Раскраска на лице должна быть в тон одежды. – Я распахнула плащ и продемонстрировала шикарную мексиканскую мужскую рубашу, подаренную мне как участнице фестиваля короткометражных фильмов «Аргентинский кактус». Не могла же я честно сказать, что синяк под глазом то ли после банной процедуры, то ли от умывания по совету фермерши кислым молоком неприятно расширился на полскулы разводами желто-синюшного оттенка.

– Даже и не знаю. – Бабушка отпустила меня и задумалась. – Прилично в таком виде ехать в морг, как думаешь?

– Ну почему опять в морг?! – простонала я.

– Тихо! – Она прикрикнула и погрозила пальцем. – Не ной. Дело это, об убийстве, передали на время другому. Я попала на прием к главному следователю и добилась разрешения похоронить Ханну и ее мужа. Съездила в квартиру за одеждой. Прежнего инспектора, говорят, какая-то нервная

дамочка ударила во время допроса по голове лопатой. Он теперь в больнице лежит. А мы пока быстренько поедem в морг и договоримся о транспортировке тел сюда.

– Куда – сюда? – Я оглянулась.

– Сюда, в дом. Обмоем, обрядим и к утру, глядишь, с божьей помощью и похороним.

– Как это – к утру? Как это – обмоем? Бабушка, сейчас похоронные бюро полностью готовят любое тело к захоронению: и обрядят, и сделают косметическую обработку, и на кладбище привезут!

– Да, – спокойно кивнула бабушка, что-то внимательно разглядывая у себя ладони. – Сейчас, конечно, не то что раньше. Забальзамируют, покрасят, но это не наш случай. – Она не смотрит мне в лицо, я чувствую неладное, надо бы замолчать, но перспектива перевозки сюда, а тем более обмывания и подготовки к захоронению даже таких хороших людей, как моя тетушка Ханна и ее четвертый муж, пугает меня до тошноты.

– Но, бабушка...

– Это не наш случай, – повышает она голос, – потому что они сделают все... – Тут она поднимает на меня глаза и повышает голос: – Все! Кроме главного. А главное заключается в том, что моя дочь должна быть захоронена цели-ком. Поняла?

Лучше не отвечать, да она и не ждет ответа, быстро уходя к дому. Я совсем забыла о головах в морозилке.

– Если ты не будешь отмывать свою боевую раскраску на лице, то у нас есть еще десять минут для важного разговора! – кричит мне бабушка с терраски, и я понуро волочусь на ее голос.

– Сядь сюда и закрой глаза.

Оглядев бабушку в торжественной шляпке, белом пальто тонкой шерсти, перчатках и длинном шифоновом шарфе, окутывающем ее шею и плечи, я закрываю глаза.

– То, что я скажу, сейчас покажется тебе неважным, но впоследствии, как это обычно бывает с взрослеющими людьми, обязательно всплывет или при необходимости, или как последствие жестокого опыта. Ты подумаешь: «А ведь бабушка мне говорила!» Так вот. Детка, ты не воин.

От неожиданности я открываю глаза.

– Род мой ведет свое начало от лонгобардов, гордиться тут особо нечем, бездарные мужчины-воины погубили себя и весь род. Поэтому впоследствии женщины всегда принимали решения самостоятельно, не особенно полагаясь на силу и ум мужчин. Это главное. После позорного разгрома войска ничтожнейшим Пипином-младшим они поделились на воинов и на утешительниц – хранительниц очага. Женщины-воины воевали, особо не заботясь о детях, оставляя их обычно женщинам – хранительницам очага. Но судьба всегда устраивала так, хвала ей и проклятие, что в тройке поколения обязательно были две женщины-воина. Я, твоя мать и ты – это тройка. Я – воин.

– А-а-а?...

– А-а-а твоя мать и ты – не воины. Но моя вторая дочь Ханна тоже была воин. Не о нас речь. Ты должна понять, что как хранительница очага ты – бесценна. Именно хранительницы очага сохраняют род. Поэтому ты должна уметь все, что умеет хранительница очага. Родить. Принять роды. Безболезненно убить детей, если все воины погибли и они могут попасть в плен к врагу, но это сейчас не актуально, – бормочет бабушка, загибая пальцы. – Вылечить рану. Ухаживать за больными и после смерти правильно подготовить тело к захоронению. Не так уж много, но это важно. Главное – знать, что ты – не воин, и не предпринимать бессмысленных попыток вести бой. Твоя задача – прятаться, защищаться, любить, плодиться, утешать и любой ценой, хитростью или удачей, но вырастить детей. Если ты начнешь воевать, ты будешь сразу же уничтожена. Определись, скажи сама себе: «Я не воин, я ненавижу войну» – и займись делом настоящих женщин.

– По-похоронами? – шепотом интересуюсь я. – Это дело настоящих женщин?

– И это тоже.

– Бабушка, ты ведь не любишь воевать.

– Ненавижу, но что поделать.

– А моя мать? Если она не воин, значит, она тоже хранительница очага?

– Твоя мать ребенок, застрявший в десятилетнем возрасте. Она так испугалась ранних месячных, что расстрои-

ла психику, скрывая свои сексуальные фантазии и приспособившись к играм незрелых девочек. Заигралась и совершенно потерялась. Она нам не помощница. Десятилетняя девочка ведь не сможет обмыть покойника, чтобы это хорошо кончилось для самого покойника и для окружающих. Все. Нам пора.

– А мне кажется, – я бежала за ней, – что я не умею!.. Что я испытываю сильное отвращение, как только подумаю о трупах вообще, какой же от меня толк?

– Твои глаза будут первое время бояться, а руки все делают.

– А мне кажется, что ты меня убеждаешь в том, чего я не могу!

– А мне кажется, – резко остановилась бабушка, – что от тебя пахнет спиртным, и это очень некстати. Проверим, все ли бумаги на месте. Так, разрешение забрать тела, договор на перевозку, паспорт... Где мой паспорт? Вот он. Деньги. Идем. Хотя вид у тебя, конечно, – бабушка смотрит в мое лицо и качает головой, – как у гейши после запоя.

– Куда мы идем? Подожди, пусть ты будешь воином, а я – хранительницей очага, только давай представим, что сейчас вокруг нас – двадцать первый век, не надо убивать детей, чтобы они не попали в плен, не надо мыть трупы, для этого есть специалисты, не надо...

– Мы идем на станцию, чтобы доехать до города на автобусе. Потому что ты не в состоянии вести машину, тебя с та-

ким лицом остановит первый же постовой и отберет права, как только приблизится на полметра. Детка, – она сменила тон на ласковый, – ты всегда мне доверяла, разве я хоть раз тебя подвела?

– Никогда, – отвечаю я без раздумий. Бабушка всегда была моей защитницей и подружкой.

– Тогда просто поверь, что мы должны это сделать. И даже не столько ради мертвых, сколько ради нас самих, ради твоих детей, ради детей твоих детей. Хорошо?

– Бабушка, миленькая, как же я рада, что ты не из древнего племени, поедающего своих мертвых ради вечной памяти о них!

– Не юродствуй. Если тебе трудно меня понять, представь, что ты умерла. Представила?

– Ну, допустим.

– И тебя похоронили без головы.

– Это еще почему?!

– Потому что ты была воином, твой враг победил, отрезал голову и не нашлось ни одной утешительницы, которая позаботилась бы о правильном захоронении!

– Ладно, я согласна, без головы не очень удобно.

– А теперь представь, как я могу довериться людям из похоронного бюро, когда вот в этой справке и во всех протоколах записано, что тела без голов?! И не забудь, что это ты, именно ты принесла мне в дом голову дочери! Если мы сейчас вспомним, что живем в двадцать первом веке, то должны

первым делом заявить, что некто прислал головы наших родных с курьером на дом внучке и внуку! Сто раз расписаться, что не имели злого умысла, положив эти головы в морозилку, а если не объясним подробно, какие добрые намерения нами тогда руководили, то не миновать нам психического освидетельствования. Спасибо, детка, я за свою жизнь уже дважды доказывала, что психически больна, и еще трижды – что полностью излечилась! Последний раз Питер просто выкрал меня из больницы, он... Я не верила, что помещусь в багажник, тогда он сам туда залез, а он на голову выше меня, скрючился и поместился! Он уложил меня в багажник и вывез! Два года я жила с поддельным паспортом с фамилией последнего мужа!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.